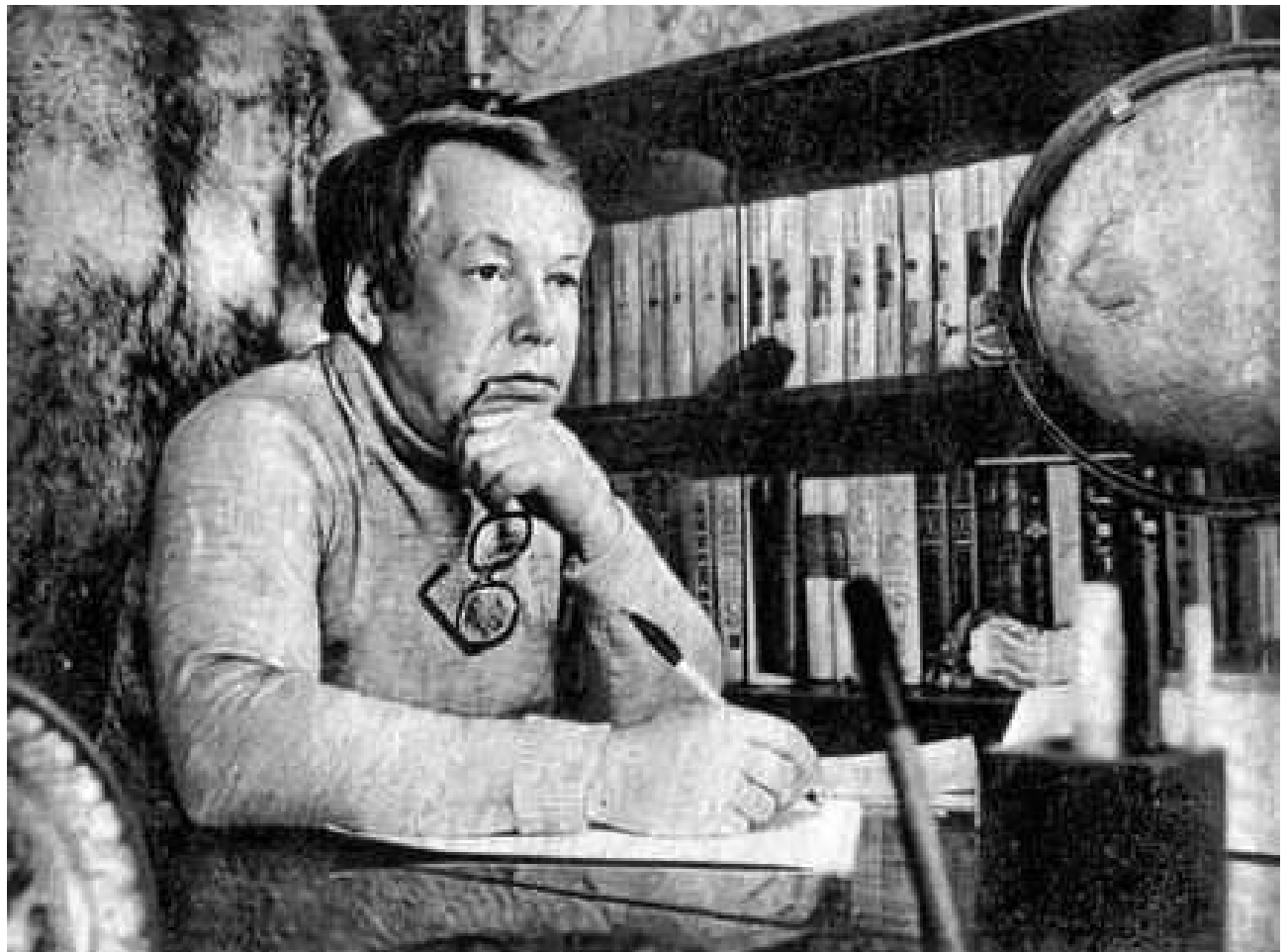

ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ

Дороги без дорог

**ББК 84Р7
Н73**

Новиков В. Г.

Н73 Дороги без дорог.— Новосибирск: Новосибирское книж-
ное издательство, 1987. 160 с., ил.

Режиссер Западно-Сибирской студии кинохроники Валерий Новиков побывал в самых
далеких уголках Сибири и Севера, в тайге и тундре, на высокогорье и арктических островах.
Главная тема всех его фильмов и первой книги — бережное отношение к природе и человеку.
Книга рассчитана на массового читателя.

Н 2001050000—045 87—87
М143(03)—87

ББК 84Р7

© Новосибирское книжное издательство, 1987

фильм

Дороги без дорог

... По Амурю

Заповедник — участок земли либо водной поверхности, на котором имеются природные объекты особой научной или культурной ценности...

Советский энциклопедический словарь

Признание в любви

Телецкое озеро иногда называют малым Байкалом.

Лежат они на одной широте, одинаковое количество тепла получают, сходны по составу воды и окрестным пейзажам. Только одно поменьше, другое побольше.

Слыша такое, я каждый раз испытываю чувство неловкости и обиды. Будто двух красавиц сравнивают по размеру обуви. Нет уж, Байкал — это Байкал, а Телецкое озеро — это Телецкое! Ни своей красоты, ни своих особicc ему не занимать.

Это могут подтвердить тысячи людей, каждый год приезжающих сюда по путевкам и «дикарями», — озеро является туристской достопримечательностью всесоюзного, а в последние годы и мирового класса.

Туристам показывают красоты — они за тем и приезжают. Но на озере идет своя жизнь, скрытая от постороннего глаза. О ней я и пытался рассказать в двух фильмах — «Алтайский заповедник — от весны до весны» и «Короткое, короткое лето».

...Я видел озеро, покрытое сплошным льдом, на котором ветер выдувает участки такой хрустальной чистоты и слепящего глаз блеска, что ступить на них боязно — так и кажется, что нога окажется в воде, хотя от нее отделяет крепчайший полуметровый панцирь.

Если лечь и прикрыться ладошками от света, можно разглядеть сквозь лед на фоне серых камней оцепенелых рыб, вяло шевелящих плавниками. Они терпеливо ждут весну.

Летом же вода при определенном освещении порой обернется материалом стальной крепости — гуляй не хочу по нему!

Мрачным, неприветливым, умиротворенным бывает это озеро, но никогда — одинаковым.

То «низовка» поднимет волны морской высоты, то кто-то невидимый пройдет по-над водой и растеряет клочки тумана, то закат опрокинет в гигантскую чашу тысячи тонн золота — вот тогда-то озеро и впрямь становится золотым — Алтын-Кель.

Больше всего мне нравится смотреть на Телецкое озеро сверху, с гольцов — так называют безлесные вершины гор. Отсюда оно выглядит живым существом, мыслящим субстратом, Солярисом, с которым мы, люди, пока просто не нашли общего языка...

Когда-то из Артыбаша, в котором обрывается автомобильная дорога, на само озеро можно было попасть только тихоходным катером «Лесоруб». Было еще одно суденышко, не имевшее собственного имени, однако из-за цифры «3», выведенной на носу, громко называемое «Тройкой». Потом по Бии — единственной реке, вытекающей из озера, — в большую воду пришли «Ирбис», «Восток», «Яков Баляев», «Пионер Алтая», «Биосфера» — суда большие, серьезные, не говоря уж о моторках, которых могло быть и поменьше. Так что теперь в Артыбаше не надо неделями просиживать на берегу, а потом льстиво упрашивать капитана. Покупай билет — и в путь...

Через два-три часа за мысом открывается вид на широкую зеленую террасу, вскоре становятся заметными расположенные в два яруса дома — на берегу и повыше, на террасе.

Это поселок Яйлю.

Выговоришь это слово — и на языке словно перекатывается прохладная льдинка, поднятая с кромки озерного берега.

Яй-лю...

В центральной газете однажды написали: «Яйлю — маленький, но всемирно известный поселок на берегу Телецкого озера». Не про всякий город такое скажут — всемирно известный! Побывали здесь как-то французы, а через полгода прислали журнал в глянцевой, пускающей солнечные зайчики разноцветной обложке. В нем — фотографии, статья и карта, на которой изображены во всей Европе и Азии только три пункта — Париж, Москва

Весенняя мозаика Телецкого озера.

Жгучие лучи майского солнца превращают ледяные глыбы в абстрактные скульптуры.

и Яйлю. Правда, наснимали они не совсем то, что надо бы, — к примеру, дизелиста дядю Мишу, который в промасленной — а какой же ей еще быть! — телогрейке шел со смены. Но у него же дома на вешалке висит синий в полоску шевиотовый костюм!

Яйлинский берег устлан плоскими, овальной формы, гальками серого цвета, напоминающими подгоревшие олады. В них с противным скрежетом зарываются носами чужие катера (для своих, приписанных к поселку, есть деревянный причал).

Пассажирам, выражающим бурный восторг по поводу редкой красоты окрестного пейзажа и желающим остановиться здесь на несколько дней, вежливо объясняют, что сделать это им никак не удастся ввиду заповедности данной территории и особого режима пребывания здесь людей. Объясняет это назначенный на летний период комендантом Яйлю лесник Альчи Кунделешевич Туймешев. Тем, кто плохо внемлет вежливым увещаниям, Альчи Кунделешевич показывает большой плакат на столбе «Алтайский заповедник. Въезд и пребывание по пропускам» и, сужая и без того тонкие щелочки глаз на морщинистом скуластом лице, серьезно выговаривает:

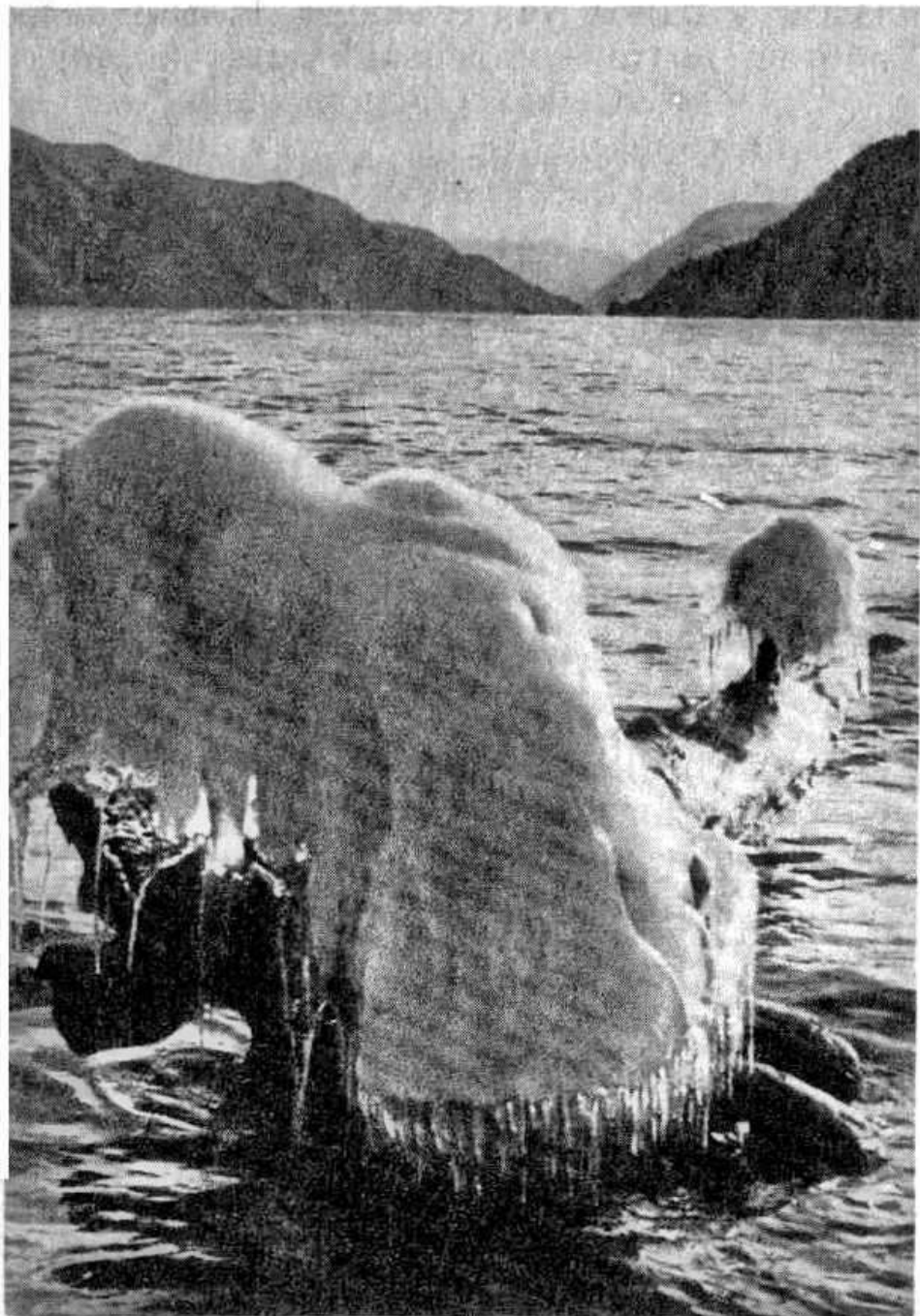
— Ты сто — алтаес неграмотный, сто ли?

Бывали случаи, когда отдельным ловкачам удавалось спрятаться на берегу до отхода рейсового теплохода. Их тем не менее вылавливали, делали серьезное внушение и препровождали на специально отведенное место за поселком. Там нарушителям позволяли поставить палатку, сварить на костре суп из пакетов и дожидаться прихода ближайшего водного транспорта.

При мне один человек уговаривал директора заповедника О. А. Макарова разрешить ему пожить здесь недельку, особо упирая на свое близкое знакомство с каким-то начальником, судя по всему, очень большим, так как фамилию он произносил шепотом и оглядываясь на дверь. В качестве еще одного аргумента он приводил тот факт, что у него «всего одна удочка».

— У вас всего одна удочка, — терпеливо соглашался Олег Андреевич, — а у меня всего один заповедник.

Кроме конторы заповедника, в Яйлю еще одна «фирма» —

*Медуза? Мамонт?
«Несси»? Что только
не разглядишь в ледя-
ных наплесках...*

озерная станция. Есть магазинчик, на полках которого позапрошлогодние консервы тихо старятся в мирном соседстве с выцветшим суконным драпом, и школа-четырёхлетка. Ее посещают не больше десяти маленьких яйлинцев. Все они сидят в одном

классе, у одной учительницы, только задачки решают разные. Работает почта и маленький детский садик. Вот и все.

Мы подружались с начальником озерной станции Валентином Селегеем. В шутку его зовут «директором озера». Он и вправду знает его, как собственную квартиру.

Каждая поездка с Валентином по озеру в моторной лодке — будто увлекательная экскурсия с опытным гидом.

— Смотри,— поворачивает он «казанку» к каменному уступу,— видишь надпись?

Метрах в двух от поверхности воды на гладком вертикальном сколе черного камня просматривается нарисованный белилами эллипс, перечеркнутый линией. Рядом непонятная надпись ИРГО и цифра — 1901.

Валентин наслаждается эффектом — подобно собирателю, показывающему редкий экспонат коллекции. Потом объясняет:

— ИРГО — императорское Российское географическое общество. Это отметка уровня воды в 1901 году.

— А кто именно здесь был?

— Игнатов... Известный русский исследователь. Описал Байкал, Телецкое, потом поехал на Балхаш и там, чем-то заразившись, умер. Двадцати семи лет от роду...

— А другие путешественники какие-нибудь отметки оставили?

Вместо ответа Валентин рывком заводит мотор, лодка круто ложится в вираж, и через полчаса мы оказываемся у противоположного берега.

Селегей помогает разобрать полустертую надпись... Бианки.

— Тот самый?

— Возможно... Ведь он когда-то работал в Бийском краеведческом музее.

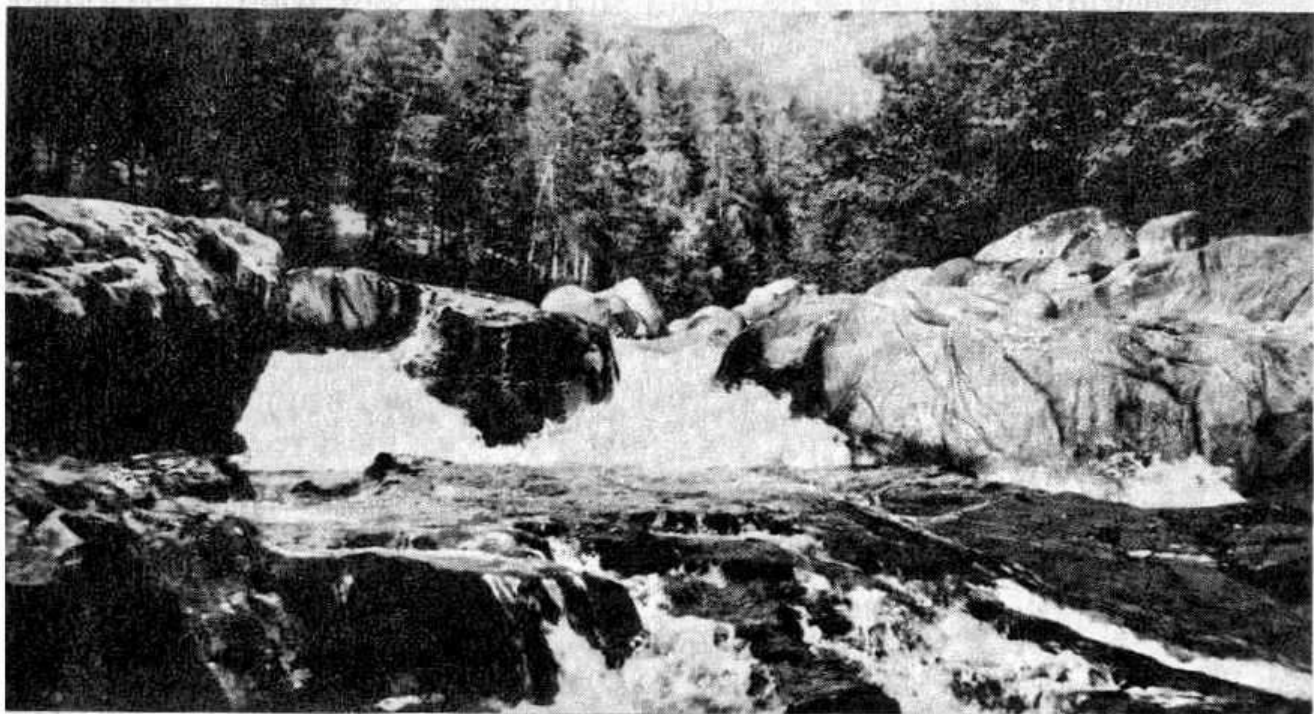
За одним из мысов Валентин демонстрирует замечательно красивое эхо, за другим — маленький красивый водопад, ледяные брызги которого исцеляют, по мнению местных жителей, от множества болезней...

Мы направляемся в устье Чулышмана замерять расход воды в паводок.

Осенью на Телецком разыгрываются настоящие морские шторма. Горе тому, кого неожиданно налетевший шквал застанет на лодке посреди озера...

Порожистые горные реки, впадающие в Телецкое озеро, несут кристально чистую ледяную воду. На таких перекатах ловятся хариусы.

Ближе к месту впадения реки встречается все больше мути, щепок, палок. Попадают целые деревья, вывороченные с корнями. Чтобы не налететь на них, приходится прекратить все разговоры и утроить внимание.

Взревел мотор от изменившейся нагрузки — мы вошли в реку. Через несколько километров борьбы с быстрым течением на левом берегу появились домики алтайского села Балыкча.

Почти в каждом дворе стоит юрта. Алтайцы предпочитают летом жить в них.

В Балыкче — козоводческий совхоз. Тысячные стада бродят по окрестным горам под присмотром чабанов. Раз в год упрямые круторогие козлы и идиллически славные козочки отдают людям свой драгоценный пух, из которого потом вяжут теплые невесомые платки, кофты, свитеры.

Бывает так, что некоторые животные отбиваются от стада — попробуй уследи за всеми. Как видно, взыгравшая кровь диких предков зовет их на неприступные склоны, где можно попрыгать с уступа на уступ через бездонные пропасти. На розыски отправляются отчаянные «горные ковбои». Коротконогие мохнатые алтайские лошади преодолевают невероятной крутизны подъемы, а по тропам над кручами они шагают так, словно это обычная проселочная дорога.

Работа опасная, трудная.

Случается, что коза, забравшаяся в особо неприступное место, никак не желает, а порой просто не может вернуться к сородичам. Оставлять ее в горах нет смысла — все равно пропадет или станет добычей хищников. И тогда приходится снимать «скалолазку» метким выстрелом, чтобы привезти хотя бы мясо.

Причаливаем, выгружаем рюкзаки и съемочную аппаратуру.

Через Чулышман в районе Балыкчи натянут стальной трос, укрепленный на могучих листовенных бревнах, надежно вбитых в берега.

По этому тросу скользит кольцо, за которое привязывают на веревке специальную лодку. С нее измеряют «расход» — количество воды, проходящей через сечение русла в единицу време-

Пень-выворотень сторожит вход в предгорья Алтая.

Встречаются и среди таежной глухомани веселые, просвеченные солнцем поляны.

ни. Знать эту величину, особенно в паводок, гидрологам необходимо для составления прогнозов притока воды в озеро.

Внешне работа простая: наблюдатель опускает на лебедке «бомбу» — тяжелый прибор с вертушкой (по форме он и правда напоминает бомбу со стабилизатором), затем по счетчику фиксирует скорость вращения, поминутно сверяясь с секундомером. И так — через определенные интервалы.

Работа простая, однако дорисуйте на этой картине ревущий Чулышман, звенящий трос, вывороченные с корнем деревья, несущиеся прямо на лодку, как торпеды, и поймете, что дело это тяжелое и опасное. Ни Чулышман, ни озеро не прощают беспечности, разгильдяйства, невнимательности. В ледяной воде — а она здесь не прогревается — человек может пробыть лишь несколько минут. Каждый год — каждый! — к печальному списку жертв добавляются новые фамилии. Часто не приезжих людей, новичков, а коренных жителей, бывалых таежников. Братья Пыжанкины, Николай Двоглазов, сваливший на веку не одного медведя, моторист Женька Алеков, мечтавший о море...

Лодка на тросе перемещается от одного берега к другому. Работа закончена. Съёмки — тоже.

Потом мы пили чай в юрте совхозного кузнеца Алексея Борисовича. Его дочь Люба — сотрудница станции. Последний глоток, остающийся на дне пиалы, улыбчивый алтаец выплескивал в огонь — угощал доброго духа, охраняющего очаг. Если пожадничаете — дух может рассердиться и наделать много бед.

— А мы у себя дома допиваем до конца, Алексей Борисович...

— Ничебо-о-о... — смеется он, — можна-а-а...

Видно, он сам не очень-то верит в алтайские сказки.

Небо над горами удивительно чисто и прозрачно. Неправдоподобно крупные и яркие звезды цепляются за вершины. Стоит понаблюдать три-четыре минуты — видишь, как звезда перемещается относительно неподвижного объекта.

— Как вы думаете, — спрашивает Селегей, проследив за полетом спутника, — в наши дни возможны географические открытия?

— Отчего же? Конечно. В Антарктиде, к примеру, полно

белых пятен. Недавно где-то на Амазонке целое племя нашли, в газетах писали...

— Нет, здесь — на Алтае, даже на Телецком!

— Ну... — сомневаюсь я. — Каждый год тысячи людей — и открытие?

— Тогда слушайте...

...Зима шестьдесят восьмого — шестьдесят девятого по всей Сибири выдалась необычайно суровой. Граница ледового покрова на озере обычно заканчивается как раз в районе Яйлю. В ту зиму лед сковал все озеро.

Сама природа помогала выполнить давно намеченный план.

Белым пятном котловины озера, несмотря на доскональную изученность района, оставался подводный рельеф.

Что там, под многометровой толщей воды? Промеры, произведенные еще в двадцатые годы, были выборочными и не давали общей картины.

Кое-что, конечно, было известно. Например, напротив водопада Корбу самое глубокое место — 325 метров. Когда наша моторка оставляла позади этот участок, кто-нибудь привычно шутил:

— Слава богу, самое страшное позади...

При этом имелось в виду, что двухсотметровая глубина уже не так пугает...

Промеры не так просты, как кажется. Легче всего, разумеется, было бы воспользоваться эхолотом. Но, во-первых, работа с ним требует эталонного профиля, то есть известных с высокой точностью глубин. А как их узнать? Во-вторых, эхолота не было и не предвиделось.

С лодки и даже катера опустить многометровый трос невозможно — ведь суда не стоят на месте, следовательно, вместо требуемого перпендикуляра образуется линия под неким углом. Попробуй определи потом истинную глубину. Со льда же — другое дело.

Что ни говори, а зима преподнесла подарок и не воспользоваться им было нельзя.

Все эти соображения Селегей изложил команде катера «Восток» — капитану Анатолию Пощеленко, механикам Геннадию Лашутину и Вениамину Санарову. И попросил их помощи. Отчего же — попросил, а не приказал, дело-то служебное? Для начала скажу, что Селегей, поднаторевший в практической психологии, крайне необходимой начальнику станции, давно уже руководствуется рядом важных принципов в отношениях с подчиненными. В частности, таким: люди обычно болезненно относятся к волевым приказам. Куда охотнее выполняют они любое дело, если убедить в его целесообразности. К тому же надо было учесть важное обстоятельство. За длинную навигацию — больше полугодя — команда устала и зиму считала временем своего законного отдыха.

Поставьте себя на место команды и представьте, что к вам является человек, который говорит: «Ребята, надо повкалывать...»

Они, в общем, согласились...

Началась работа. Вручную бурили в метровом льду лунку, устанавливали над ней лебедку. Вниз груз на тросе шел, понятно, сам, а вот обратно его надо было поднимать, наматывая на барабан, тоже вручную. А потом перевозить все хозяйство на несколько метров в сторону и повторять все сначала. И так — семьсот раз!

Кругом лед. Костер не разведешь, палатку не поставишь. Хлеб на морозе по крепости не уступает сухарям. Термометр в отдельные дни показывал за сорок — это они знали точно, потому что станция восемь раз в сутки передавала на Большую Землю здешнюю погоду.

Сюрприз преподнесла не погода и не трос, за который они очень боялись — с увеличением глубины приходилось стравливать его все больше и больше, и под собственным весом он мог оборваться. Сюрприз преподнесло само озеро.

— Василич,— позвал Селегея Геннадий Лашутин, стоявший на счетчике,— глянь, чего-то меньше показывает...

И в самом деле, счетчик, исправно фиксировавший увеличение глубины по мере удаления от берега, вдруг выдал на двадцать метров меньше. До противоположного берега было далеко, и подъем пока не предвиделся.

— Может, трос заклинило? — предположил Пощеленко.

Не подтвердилось.

— Счетчик врет?

— Но ведь контрольный то же самое показывает! Давайте-ка еще разок...

Подняли и отпустили трос — та же история. Глубина в этом месте была сто двадцать метров.

— Ну и что? Лежит на дне каменюга, вот мы на него и попали. Пошли дальше, — скомандовал Селегей.

Однако следующая точка вновь показала уменьшение глубины. И следующая, и еще одна. На целых девяносто метров! А потом снова пошло увеличение...

Дома Валентин изобразил картину графически. Если очень упрощенно — вырисовалась довольно плавная кривая, напоминающая корыто в разрезе. Посередине — резкий пик.

Пробурили несколько точек в стороны — сомнения рассеялись вовсе.

По дну озера шел подводный хребет, неизвестный ранее ни одному из исследователей озера.

К весне, когда лед стал набухать, его раскололи трещины и работать стало опасно, картина уже была целиком ясна.

Возникало два вопроса. Первый — что с ним, этим самым хребтом, делать? А ничего. Пусть себе спокойно стоит на дне. Судоходству он не угрожает, ни под что полезное приспособить его тоже нельзя. Но вдруг для кого-то из ученых сам факт его существования окажется решающим аргументом в давно ведущемся споре о происхождении озера? Есть сторонники ледниковой, тектонической, рифтовой гипотез — доказать, какая из них верна, очень важно для понимания геологической картины этого района. Следовательно, подводный хребет — не такая уж бесполезная вещь, как может показаться сначала.

Далее...

— Далее,— сказал Селегей,— по праву первооткрывателей мы должны дать ему имя и сообщить об этом в Географическое общество.

— Как бы запатентовать? — уточнил Пощеленко.

— Примерно... Какие есть идеи?

— Люди мы скромные,— в глазах Пощеленко запрыгали искорки,— поэтому предлагаю тоже скромно — хребет Селегея-Лашутина. Ну, и меня...

— Н-да, более чем скромно. Поехали дальше.

Вот здесь-то и выяснилось, что сделать географическое открытие — только полдела.

В старину не мудрили. Вышел ненец на берег неизвестной реки, удивился: «Ионесси!» — «Большая вода» значит. Уже потом река в Енисей превратилась.

И так и сяк прикидывали. От юмора перешли к лирике, вспомнили героев алтайского эпоса...

Через несколько дней Селегей сказал:

— Обсуждение закончилось. Как говорится, спасибо за проделанную работу. Подводный хребет будет называться хребтом Софьи Лепневой.

Софья Григорьевна Лепнева — известный ученый-озеровед. В 1928 году прибыла она в этот далекий от Ленинграда, где находится Гидрологический институт, район. Озеро оказалось не только неповторимо красивым, но и уникальным в научном отношении.

И совершенно неизученным! В литературе были лишь описания немногих путешественников. Последовали первые сообщения, рефераты, статьи. Некоторые из работ Лепневой, например, по химизму, термике, гидробиологии озера считаются классическими.

Вертолетов в ту пору не было. Остается удивляться — как могла женщина преодолеть сотни километров по горно-таежному бездорожью, где неверный шаг грозит гибелью, где еще пошаливали недобитые банды богатеев-алтайцев, недовольных

приходом советской власти. И не просто преодолеть, а выполнить при этом сложнейшие исследования.

— Подводный хребет будет носить имя Софьи Лепневой, — повторил Селегей. — Все согласны?

Вопрос был лишним. Об открытии, сделанном на Алтае, сообщили в Географическое общество. Подводный хребет Софьи Лепневой занесен в мировые атласы. Вот как описан он в монографии «Телецкое озеро»: «...При детальном промере со льда на стыке меридиональной и широтной частей обнаружен подводный хребет. Следовательно, котловина имеет W-образную форму. Хребет вытянут с запада на восток на 2,3 км, его ширина 600—800 м. Расстояние от высшей точки до дна 211 м, она находится на глубине 93 м. В восточной части хребта склоны обрывистые, в западной — пологие, постепенно сливающиеся с дном...». Монографию, наиболее полно обобщающую все известные науке сведения об озере, написал Валентин Селегей вместе с женой и коллегой Тамарой.

Человеку, побывавшему в Яйлю летом, а потом приехавшему сюда поздней осенью, покажется, что он попал в другое место. Жизнь в поселке замирает. Заканчивается туристский сезон. Разъезжаются гости. Научные сотрудники заповедника разбредаются по лабораториям. Из папок, коробок, банок извлекаются на свет материалы летних экспедиций — сухие веточки, усатые жуки, еле видимая в микроскоп водяная мелочь, начерпанная сачками в озерах и лужах. Лесники подбивают камусом широкие охотничьи лыжи, чинят подранную в походах ременную упряжь и вьючники, а больше приходят в себя, отдыхая от летней неразберихи. В конце дня все спешат по домам. В гости друг к другу ходят редко. После Нового года наступают самые тяжелые месяцы — до начала мая. Припоминаются мелкие обиды, сами собой разгораются конфликты по таким поводам, которые позднее никто не может припомнить, одни и те же лица надоедают до остервенения — словом, идут нормальные психологические процессы.

В мае на белоснежном экране снежного покрова жгучие лучи солнца пробуравливают первые дырки, скоро они сливаются, и за какую-то неделю слежавшийся войлок прошлогодней растительности исчезает под упрямой и упругой щеткой изумрудной травы. В один прекрасный день вырывается из бутончиков фиолетовое пламя кандыка; словно разбежавшиеся из-под наседки крохотные цыплята выглядывают тут и там желтые цветики алтайской фиалки. И уже готовятся к бесшабашному налету на весеннюю землю разбойники-жарки в огненных папах...

За мысом раздается первый гудок «Пионера Алтая», светлеют лица, появляются улыбки — как и не было трудных зимних месяцев.

Летом яйлинцы с нетерпением ждут субботы и воскресенья, когда могут собраться вместе. Такую возможность предоставляет баня.

Свои бани в поселке как-то не привились — и слава богу. Потому что общественная яйлинская баня — это еще и клуб, место встреч, обмена информацией... Мοются здесь со вкусом, делая по нескольку заходов в парную. Много любителей прямо с полка бегать в озеро, ледяная вода которого вмиг остужает дымящуюся кожу. Потом подолгу, в чем мать родила, сидят на крылечке, благо банька стоит на околице.

Каких только историй здесь не услышишь!

Непревзойденный балагур — капитан теплохода «Биосфера» Анатолий Пощеленко. Вот он подходит к крылечку в своей неизменной мичманке. В одной руке — сверток с бельем, в другой — любовно, веточка к веточке уложенный березовый веник. Через несколько минут, окунувшись после парной в озеро, капитан сидит вместе со всеми на крылечке.

Многие байки яйлинцы слышали не единожды, но отчего же не послушать еще раз, если в компании новые люди.

— Все ничего, товарищи, но придется мне уезжать из Яйлю... — интригуяще произносит Анатолий.

Публика ждет очередной «хохмы».

— Работа нравится, природа замечательная, но доконал

меня петух соседский. В пять утра, негодяй, залетает на забор под окном и кричит — «Па-а-ащеле-енка-а-а!»

Свою фамилию капитан выкрикивает, в точности воспроизводя петушиное «кукареку!»

...Четверть века назад этим местам угрожала серьезная опасность. По чьему-то недомыслию заповедники были объявлены делом ненужным и отчасти вредным. Уникальной тайге предназначалась судьба заурядного района лесозаготовок. Обсуждался проект строительства бумажного комбината, использующего в производственном цикле воду Телецкого озера. Охранять в таком случае становилось нечего.

К счастью, здравый смысл взял верх. Страшно подумать, что было бы, если б такое случилось. Ведь с той же легкостью, с какой мы восклицаем: красота вечна! — мы же сами и губим ее — порой не возвратно...

Желая, как видно, польстить озеру, называют его иногда «Сибирской Швейцарией». Нет же! Пусть там, у них, красивые места зовутся «Швейцарской Сибирью».

А Телецкому своей красоты хватит.

Хозяин тайги

Снимая пустыню, надо снимать верблюдов. Показывая тундру, надо показывать северных оленей.

Эта истина такая же, как и та, что в кинорассказе о тайге не обойтись без ее «хозяина» — медведя. А мы сняли марала, глухаря, рябчиков, даже осторожного соболя удалось поймать в объектив. Медведей же у нас на пленке не было! Хотя и не раз с ними встречались. Правда, их и встречами-то, по-доброму, не назовешь. То на противоположном склоне, километра три-четыре по прямой, лесник разглядит крохотную перекатывающуюся

по поляне точку: «Во-н, вон на тую покоть гляди!». «На какую — «тую»?» — «Да повыше колодины! Ушел!»

То кусты в стороне от тропы ходуном заходят, а потом в прогалызине мелькнет бурый бок — то ли мелькнет, то ли покажется, что мелькнул...

Вот и попробуй достать камеру, поймать кадр, навести на резкость, установить диафрагму, нажать кнопку! Снимешь кусок тайги, в которой только что был медведь. Для собственных впечатлений достаточно, а зрителям этого, согласитесь, мало.

Поэтому мы очень обрадовались, когда встретили экспедицию новосибирских биологов, только что возвратившуюся на базу, в Яйлю, с верховьев Кыги. Медведей там, рассказали они, «полным-полно». Осень на высокогорье была неурожайной на кедровые орехи. В лесном же массиве речной долины их изобилие. Вот и ринулись туда со всей округи мишки — с кедровых орешков они, как известно, жиреют и легче переносят зимнюю спячку.

Директор Алтайского заповедника Олег Андреевич Макаров, провожая нас в дорогу — мы уходили на катере Телецкой озерной станции, — предупредил:

— Без лесников в тайгу не суйтесь. Приедете на кордон Чири, попросите Николая Смирнова в сопровождающие. Медведь — товарищ серьезный, мне потом из-за вас неохота будет объяснения начальству давать. Да и жалко — молодые еще, дети есть...

У Макарова такая манера разговаривать, мы к ней привыкли и не обижаемся.

Кордон Чири находится в самом начале Телецкого озера, если, конечно, у озера может быть начало и конец. У какого-нибудь другого нет, а у Телецкого началом традиционно считается его юго-восточная часть (озеро вытянутой формы), в которую впадают реки Чулышман, Кыга и Чири, а концом — то место, где вытекает Бия, куда подходит автомобильная дорога из Бийска и где находится турбаза. В отличие от шумного конца с его туристской разухабистостью, в начале озера царствует перевоз-

данная тишина. Ее охраняет Николай Павлович Смирнов. Он сделал многое для того, чтобы не считать жизни прожитой зря,— превратил в цветущий сад клочок каменистого склона и привил завет трудиться ежедневно и ежечасно семнадцати своим детям. Все они разъехались, с отцом остался только один — тоже Николай, построивший дом неподалеку от отцовского, за речкой. Он и должен быть нашим сопровождающим.

До Чири добирались несколько часов. В определенных точках катер останавливался и гидрологи измеряли температуру, скорость течения (вода, хоть и медленно, перемещается), определяли прозрачность, наблюдая, как скрывается в глубине белый круг, опущенный на тросе за борт, брали пробы. На профессиональном языке это называется «делать разрез».

Так, потихоньку, добрались до Кыгинского залива. Если лесник дома — он непременно выйдет на берег, услышав приближение лодки или катера. Это обычай. Нас же никто не встречал.

— Уплыл на лодке в Балыкчу,— развела руками Света, жена Николая.— Может, вечером вернется, может, завтра...

*Огромное бедствие — таежный пожар.
Тем более — в заповеднике.*

Жалко было терять время — до ночи далеко, на небе — ни облачка. Погода, как мы говорим, съемочная.

— Давай-ка возьмем лодочку и переплывем в устье Кыги, — предложил я Володе. — Далекo не пойдем, а так, рядышком с озером поснимаем, кто подвернется. Может, выводок рябчиков увидим. Бурундуков там, говорят, полно...

Предупредив Свету, мы столкнули на воду легкую лодочку и через полчаса, не торопясь, догребли до берега Кыгинского залива. Вдоль реки шла тропа. По ней и решили немного углубиться в тайгу. Совсем немного.

Я со штативом на плече шел первым, Володя с «Конвасом» — следом. Ни при каких обстоятельствах кинооператор не доверит никому, даже лучшему другу, свой аппарат. В самом крайнем случае — ассистенту, да и то, если он проверен, так сказать, в деле. А весит камера с набором объективов, кассетой и аккумулятором, без которого не оживет пленка, добрых десять килограммов. Помимо всего прочего, профессия оператора — это еще и ломовая физическая работа, о чем не всегда знают молодые люди, грезящие ВГИКом.

Отшагали метров двести.

Тропа вывела на большую поляну, окруженную тяжелыми разлапистыми кедрами.

В ветвях одного из них пронзительно крикнула невидимая кедровка. Большая стрекоза бесшумно пронесла длинное темно-зеленое тельце.

Среди примятой травы спокойно разгуливал... медвежонок! Очень забавный и какой-то... ненастоящий, что ли. Словно его перенесли сюда из мультипликационного фильма.

Увидел его и мой спутник. Разом, не сговариваясь, мы упали на землю, причем, Володя успел в падении взять аппарат «на изготовку», как солдат винтовку.

Ни о чем в эту минуту не думалось. Только бы Володя успел нажать кнопку. Какой кадр...

Чуть слышно звякнул металлический карабинчик, которым прикрепляется к аппарату ремень.

Там, где прошел огонь,— вот что остается...

И тут же совсем рядом заходили ходуном кусты и раздалось грозное «уханье». Медвежонок, вскидывая зад, бросился к ближайшему кедру и в один момент «свечкой» взлетел почти до самого верха. На соседнем кедре — еще один, братец или сестричка.

А над кустами показалась голова вставшей на дыбы медведицы. Мамаши. Мамочки. Мелькнули косматые лапы.

Ук-ук-ук,— грозно выдыхала она.

Только не бежать,— уговаривал я себя. Отходить спокойно. При виде бегущего у хищника просыпается инстинкт преследования...

Медведь — животное достаточно миролюбивое. Отношения с людьми он строит на простом и понятном принципе: «Не трогайте меня — и я вас не трону». Бывалые таежники красочно, с подробностями (обычно юмористического толка), повествуют о множестве таких встреч — «с глазу на глаз». Все они имеют мирный исход, если человек проявляет благоразумие и выдержку.

А как же быть со слухами о коварстве, жестокости и особой опасности этого зверя? К сожалению, они не лишены оснований. Но на Алтае, по крайней мере, все случаи нападения медведей на человека носили либо спровоцированный характер, либо были связаны с появлением медведя-шатуна. Либо с агрессивностью медведицы, защищающей своих детенышей. Та самая ситуация, в которую попали неожиданно и мы.

...Мы медленно пятились, но потом, не сговариваясь, бросились бежать.

Медведица в погоню не пустилась. Наверное, побоялась оставить без присмотра детенышей.

Как бы то ни было, через минуту мы прыгнули в лодку и, еле вставив весла в уключины, стали спешно отгребать от берега.

— Но, мужики, считайте, второй раз родились,— сказал, вернувшись вечером, Николай Смирнов.— Это она вас помиловала. Не надо было бечь-то, слабину перед ей выказывать. Стояли бы да сымали — она ни в жись сама на стоящего не нападет. Это я точно знаю...

— Ты-то знаешь, а вот она?

Через полчаса, забыв про наставления, Николай рассказывал, как, убегая от медведицы, он взобрался на гладкую, без сучка, осину, а потом, сколько ни пытался, уже для интереса, повторить не смог.

— А чего же ты не стоял-то — не нападет ведь «на стоящего»?

— Дык страшно!

Правда — страшно!

Медведя в это лето мы так и не сняли. Хотя и бродили несколько дней с Николаем в долине Кыги. Следов — сколько угодно, а самих зверей — ни одного.

И все же кадры с медведем в фильме есть.

Поделился более удачливый коллега, также снимавший тем летом на Алтае. А мы ему потом отдали «лебедя на гнезде». Тоже редкость.

Такое в кино бывает.

...Я поднял ногу, чтобы сделать шаг, и — замер.

На том месте, куда должен был опуститься ботинок, среди рыжей стерни лежала змея. Метровая гадюка по-своему была красива. Угольно-черное туловище, раздутое посередине — очевидно, только что проглотила добычу, маленькая головка, изящно покачивающаяся над землей. Змея разевала пасть, в которой мелькала тонкая ниточка языка. Судя по всему, она не собиралась давать себя в обиду.

Неподалеку оператор Володя снимал мужиков из местного колхоза, вручную скашивающих неудобницу — пологий край оврага.

Я отошел в сторону и, не спуская глаз со змеи, позвал товарища.

Мужики тоже остановились.

— Змея? — крикнул, переспрашивая, один. — Не, она в стерню нипочем не попрется. Там ей колко.

И, подойдя, изумился:

— Надо же! Сроду они в стерню не лазили... Здоровая, гадина!

Наше внимание змее явно не понравилось. Она плавно извивалась, пытаясь скрыться, однако дорогу ей каждый раз преграждали зубья граблей.

— Снимем? — предложил Володя. — Пригодится для перебивки (этим словом в кино обозначают план, необходимый для соединения в монтаже двух «нестыкующихся» кадров пленки).

Высокий, русский, голубоглазый парень — косарь, похожий на красавца из русской сказки, понял по-своему:

— Перебить? Правильно! Счас мы ее...

И занес грабли над гадюкой.

— погоди! — крикнул я. — Зачем ты это делаешь?

— Как это — зачем? Гадюк убивать надо!

— Надо... — убежденно поддержали его товарищи.

— Почему — надо? Кто-то велел, что ли?

Моя наивность мужиков, видно, позабавила. Они принялись, перебивая друг друга, объяснять мне, как несмышленишу:

— Она же свободно укусить может! В одной деревне бабы пошли смородину брать, дак одну гадюка так цапнула — врачи ногу хотели отрезать. А эта еще с гаденышами, вишь, раздуло как. Надо убить!

— Да стойте вы! — закричал я, понимая, что через секунду змее придет конец. — Нам ее снять надо, для кино.

На это мужики были согласны — для кино так для кино.

Пока оператор наводил фокус, я поинтересовался:

— Змея-то на бабу из кустов кинулась?

Мужики опять посмеялись:

— Она че — медведь? Наступила баба на нее.

— На тебя наступить — ты глядеть будешь? — не унимался я. — Когда это было?

— Лет пять назад...

— Семь, не менее...

— Сейчас их мало осталось, факт. За все лето эту первую видим.

— А раньше, — припомнил косарь постарше, — навильник на стог подаешь, а из него змея валится. Визгу у девок было!

— Это точно, она сама не бросится, наоборот — старается уползти или затаиться. Наступишь — кусает. Да и то рассудить — что ей делать остается?

— А я вот читал — яд у них полезный. Большие деньги стоит. Специально выращивают, вроде как мы свиней или коров.

— Может, одна эта на весь Алтай осталась...

— Одна не одна... Мужики, а и правда, — отпустим, на кой она?

Один еще немного поартачился, упирая на то, что и бабка, и дед, и отец с матерью наказывали, — увидишь змею — бей, не раздумывая. Но и он сдался.

Мужики подняли косы и пошли к оврагу. Гадюка, не мешкая, уползла в кусты.

Путешествуя по Телецкому озеру с кинокамерой, мы время от времени заворачивали на кордон Кокши.

Лесником здесь был Геннадий Красников. Вид у него вполне киногоеничный — огромная кержачья борода, росшая прямо от глаз, безрукавка мехом наружу, особая таежная походка, при которой под ногой не хрустнет веточка. Хоть в художественном фильме снимай.

На кордоне Кокши Красников жил с семьей. Маленькая и болезненная жена Люба, которой таежная благодать шла не впрок, и трое дочерей. Усладой отцу была шестилетняя Женька. С утра до ночи она ловила хариусов в бурных водоворотах горной реки, давшей имя кордону, с резвостью козочки прыгая с камня на камень.

Впервые увидев ее — с немой мордашкой и разбитыми в кровь коленями и локтями, я задал не слишком оригинальный вопрос, с которым начинают знакомство с очаровательными городскими девочками-чистюлями на дачах:

— Нравится тебе здесь?

Женька вынула палец из носа и помотала головой:

— Не-ка!

— Почему?

Явно повторяя услышанное от взрослых, она осуждающе произнесла:

— Я здесь дикею...

И водворила палец на место.

Красниковский кордон был приметным. Геннадий стаскивал в него со всей округи затейливые коряги, над входом в избу беззвучно шипел на гостей змей из корня маральника, с изгороди декоративно свисали обрывки сетей.

Что-то здесь было, конечно, от позы, но природу Красников любил искренне. Он вел дневники, где со знанием дела описывал свои скитания по тайге. Чтение это было, правда, не для женщин,

потому что все герои, да и сам автор, в прямой речи выражались... выражались, одним словом...

— Мне так удобнее писать, — объяснял он, — ближе к жизни.

Остальные лесники Геннадия недолюбливали, осуждая за то, что «себя выказывает». И даже ходили по кордонам анекдоты, в которых он фигурировал в качестве несусветного лентяя и эдакого таежного сибарита:

— Красников-та! Директору заявление пишет. Мол, так и так, пришлите мне человека дров на зиму наготовить. Дает, да? В тайге живет, а дрова ему кто-то готовить должен!

Или:

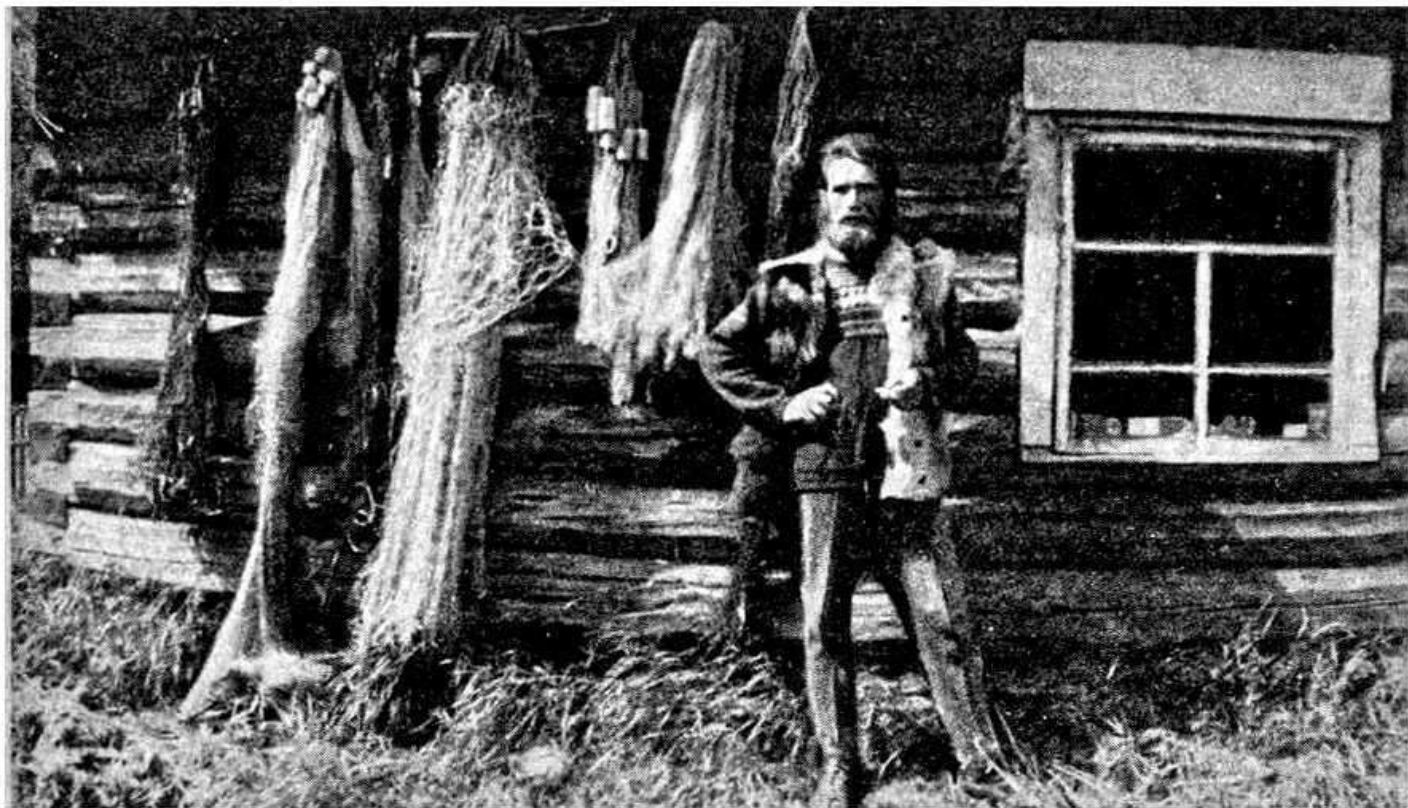
— Опять Красников отмочил! Дайте мне туристов, говорит, тропу на Абакан чистить. Га, писатель!

Я спросил его про эти байки, и он спокойно подтвердил:

— Было... Ты хариуса в речке видел? Он когда спинкой к тебе идет — черный, когда бочком повернется — серебристый. А рыба та же самая, только откуда глянуть...

«Писательство» наложило отпечаток на его речь — он любит сравнения и книжные обороты.

— На кордоне заповедника я восьмой год, до этого инструктором по туризму был. Потянуло здесь обосноваться, уговорил Любу, переехали. Попросился на Кокши, больно место красивое. Лето живу, значит, первое тут, зима подходит. Надо дрова готовить — сколько их с сентября по май это пузо — он кивнул на печку, — проглотит! Сами дрова не проблема, в лесу вокруг сухостоя полно. Распилить — проблема. Почему? Да потому, что у всех лесников бензопила «Дружба» есть, а у меня нет. Пилой двуручной много один не наширкаю, а Люба плохая помощница. Передаю директору в Яйлю записку — дайте, мол, «Дружбу» дров напилить. Он — не могу, у тебя прав нет на работу с бензопилой, руку или ногу отхватишь, я под суд пойду. Можно, кстати, понять человека. Я новую записку — пришлите человека с пилой и правами, заплачу, сколько надо. Тут работы на три дня, переколю сам, понятно. Ну, а все — ха-ха-ха! — Красников, лесник, себе дров в лесу заготовить не может.

«Портрет лесника» — хоть сейчас на выставку! Геннадий знает, что он фотогеничен, поэтому охотно позирует.

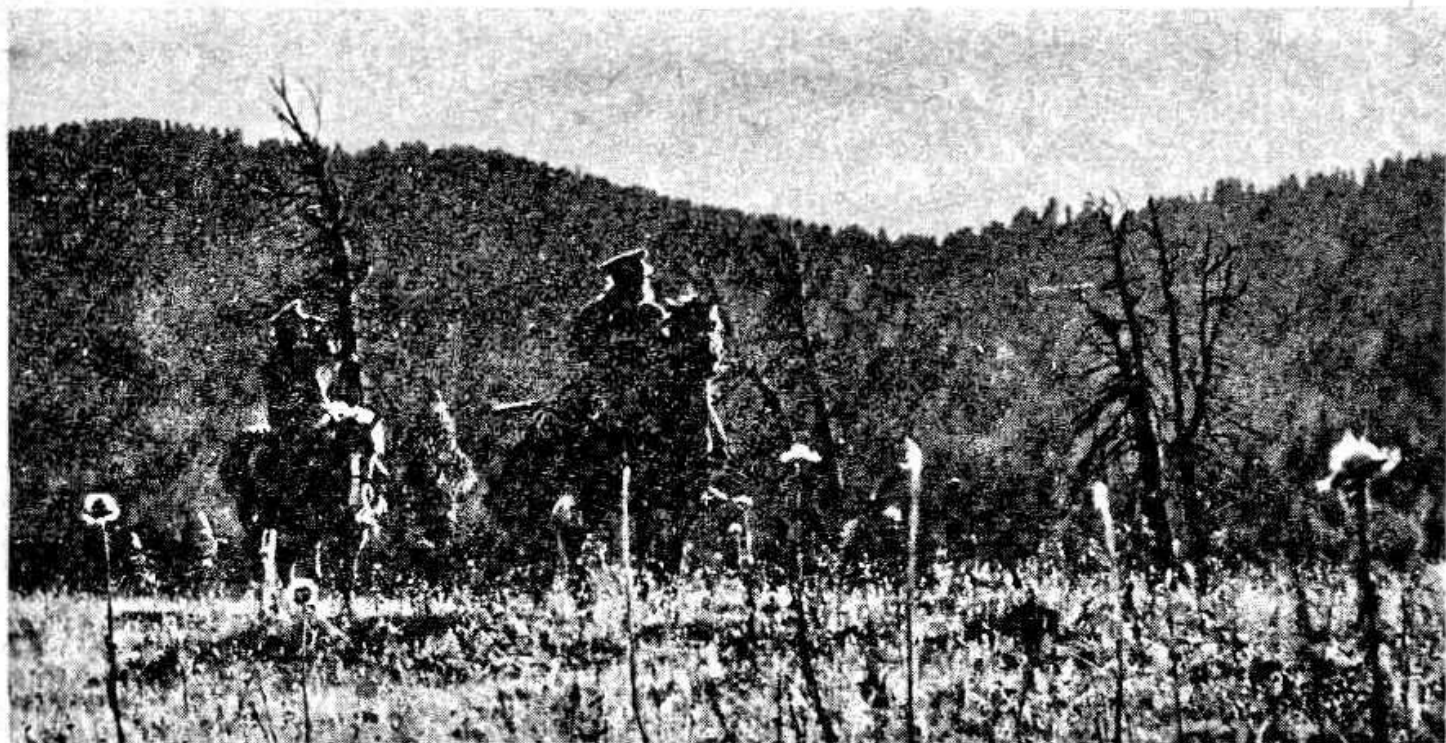
У него обиженно задрожал голос. После паузы продолжал:
— И с туристами та же история. У лесников тропы есть для обхода участка. Их положено каждый год чистить — убирать упавшие деревья, срубить сучья. Лес ведь живой, он любую рану старается залечить. А тропа для него — та же рана. Мой предшественник лет пять этим не занимался, тропа, считай, исчезла. Мне говорят — чисти! А там работы одному на год. Прошу — я договорюсь с турбазой, у меня знакомых полно. Дадут группу парней на Абакан — хребет такой — сходить. Маршрута туда нет — заповедник. За это удовольствие они тропу расчистят, а я уж пригляжу, чтобы не нашутковали ребята по дороге. Десять дней — и все в порядке. Разумно? Все снова — ха-ха-ха! Красников просит туристов тропу чистить, сам не может. Так и пошла слава — лентяй, неумеха...

Геннадий снимает стекло с керосиновой лампы, выкручивает фитиль, ножницами подравнивает его, чтоб не чадило, крутит зубчатое колесико. Лампа начинает гореть ровно и ярко.

— Между прочим,— продолжает Красников,— мне эта слава как-то жизнь спасла. Дело вышло так. Приходит эрдэ — радиogramма: «Срочно поставить печку в избушке на Абакане». Туда экспедиция научных должна пойти — так в заповеднике научных сотрудников зовут. Мы — лесники, они — ученые. Печка — железная буржуйка. Маленькая, но килограмм тридцать потянет. Зимой дело было. Я, конечно, свободно мог отказаться. Во-первых, тяжело, во-вторых, одиночные маршруты по технике безопасности запрещены. Только, конечно, новый анекдот сочинят — Красников — ха-ха-ха! — себе носильщика требует... Ладно. Печку в рюкзак, рюкзак за плечо — и ходу. А идти километров пятнадцать, все в гору. Взмок, конечно. В одном месте решил спрямить, через речку двинул по наледи. Не рассчитал, что с рюкзаком вес за центнер получается. Лед и не выдержал! Одна нога провалилась, я качнулся, и — бац! — на спину (тут Красников изобразил, как именно это выглядело). Ни туда, ни сюда! Ногу лед держит, туловище печка проклятая прижала, сбросить рюкзак тоже не могу... В общем, хоть вой. Да и выть бесполезно — ни души вокруг, еще и волки прибегут. Начал с жизнью прощаться. Любу вспомнил, Женьку... Жалко стало их до слез. А потом — мысль — сообщат в контору, пришлют людей. Найдут, конечно. Первое время погорюют, а потом новый анекдот пойдет — Красников — ха-ха-ха! — речку переходил и упал на ровном месте! И такая меня злость взяла — веришь! Каким-то нечеловеческим усилием извернулся, уцепился за кедринку на берегу, подтянулся и выпростал ногу. Сижу и плачу.

На кордоне мы снимали волчицу Герду, которая жила в специальном загоне. Геннадий взял ее из найденного лесником выводка, чтобы проверить, можно ли одомашнить дикого зверя и узнать, каким будет потомство волка и собаки. Забегая вперед, скажу, что ни у Красникова, ни у других лесников ничего путного из этой затеи так и не вышло.

«Зверь не пройдет, птица не пролетит» — так принято говорить о надежной охране. В заповеднике — все наоборот. Для того и отправляются лесники в дозоры, чтобы свободно ходили звери и летали птицы.

Непросто добраться до высокогорных альпийских лугов. Но один их вид заставляет забыть о всех тяготах долгого пути.

С нетерпением ждали мы субботу — банный день.

Красников слыл хозяином лучшей на озере баньки, большим любителем и знатоком парной. Он разработал целый ритуал, включающий в себя «под занавес», когда тело дойдет до известной ему кондиции, хлестание крапивным веником. И, странное дело, ожогов и волдырей не было, только потом всю ночь по телу как бы бегали электрические разряды.

Позднее, уже в городе, встречая приезжавших по разным делам людей «с озера», среди прочих новостей я узнавал — как там Красников? Живет — работает, в баньке парится.

И вдруг, как гром среди ясного неба, — Геннадий под арестом.

Какая же драма разыгралась в тайге?

Четыре лесника — среди них Геннадий, поймали на заповедной территории браконьера. Ружье, патроны, капканы — все при нем. Дело уголовное. Мужичонка шапку с головы стащил, бухнулся в ноги: «Не губите, люди добрые, дома по лавкам мал-мала меньше!» В наше время — прямо сцена из «Записок охотника»! С тем отличием, что провинился человек не в барских владениях, а в государственном заповеднике.

«Люди добрые» мужичонке втолковывают, что о детишках надо было раньше думать, когда на недоброе дело шел, а сейчас они находятся при исполнении, так сказать, служебных обязанностей, и эти самые обязанности повелевают вести нарушителя режима заповедности в соответствующее место, где дальнейшую его судьбу будет решать закон.

Мужичонка на эти слова скинул из-за спины холщовый мешок — довольно-таки рваный и грязный, зубами проворно развязал сыромятный ремешок и высыпал прямо на снег перед лесниками целый ворох соболиных шкурок. Были они связаны в четыре связки по количеству лесников, словно специально приготовлены. В каждой связке — по десять штук.

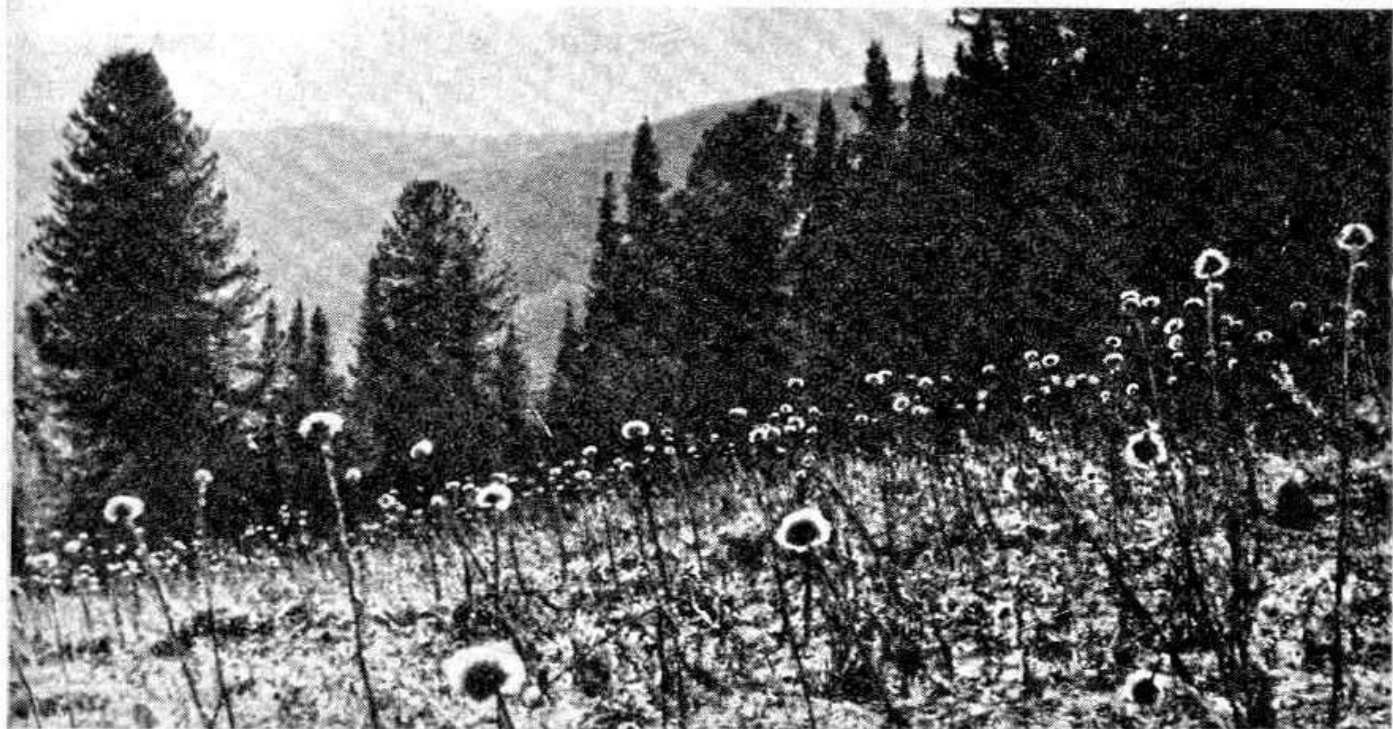
Лесники, увидев это, затряслись от возмущения за поруганную природу, но мужичонка тут же объяснил, что все это он им дарит в знак симпатии и глубокого уважения, взамен просит об одной пустяковой услуге — дать ему возможность исчезнуть в

Альпийские луга покрыты сплошным цветочным ковром. Не знаешь, куда поставить ногу...

Далеко по вершинам разнесет ветер семена из этих созревших шишек. Там, где упадет невесомый парашютик,— вырастет по весне целебный цветок высокогорья маралий корень.

Неприметное растение — знаменитый золотой корень, аналог женьшеня. Его вид — лишнее подтверждение того, что истинные ценности не нуждаются во внешних эффектах.

мгновение ока. Как говорится — вы меня не видели, я — вас.

Поначалу лесники и слышать не хотели о таком повороте.

— Да ты знаешь, — страшно крикнул Красников, — что тебе за такое предложение лишний год суд впаяет?! Он же взятку нам предлагает, морда браконьерская!

А соболя лежали на снегу, и солнечный лучик, выпрыгнув из кедровой кроны, раздробился, тронув шкурки, на тысячи крохотных искорок. Этот блеск странным образом подействовал на бывалых людей. Конечно, каждый из них сколько раз видел проворного зверька на дереве, среди бурелома и камней и провожал хозяйским взглядом — ничего, мол, не бойся, на то и заповедник... Но тут-то не живые соболя, а шкурки — некоторым образом товар! И не дешевый.

Потом суд будет дотошно устанавливать, кто первый сказал: «А правда, мужики...». Но в ту минуту, думалось ли им об этом? Ведь как просто все — взяли шкурки, кинули, не глядя друг на друга, по связочке в

Уставшему путешественнику избушка покажется хоромами.

рюкзак, мужичонку с богом отпустили — он ни в жизнь не проговорится об этом, не в его это интересах, и сами забыли об этом происшествии. Всего и делов. А какие деньги...

...Вскоре после того, как я услышал новость, судьба снова привела меня на озеро.

— Хочешь с Красниковым повидаться? — предложил мне знакомый «научник».

— Так ведь он...

— Их до суда выпустили. Пока следствие идет. Ищут того мужика, у которого они соболей взяли.

Снова знакомый кордон. Здесь изменения — Красников выстроил новый дом, который он зовет «гасиендой».

Вокруг «гасиенды» скачут козы, бродят куры с петухами.

— Только на ноги, считай, вставать начал... Бес попутал, веришь! Затмение какое-то нашло, весь мир эти соболя застили. Два года ждал, когда за мной придут, по ночам орать начал. Мысль была — пойти рассказать все самому. Смалодушничал. Дождался теперь...

Не зря, наверное, говорят — одна маленькая уступка своей совести тянет за собой другую. Лесник Николай Тукмачев, из местных жителей, решил — коли уж повязаны все одной ниточкой, можно и дальше... Он убил марала на участке, где следы преступления мог обнаружить только Красников, а Красникова не то забыл предупредить, не то не посчитал нужным. Геннадий, наткнувшись на шкуру и голову животного, привез их в качестве вещественного доказательства в контору. Мясо обнаружили у Тукмачева. Осудили. В лагере тому стало вдруг обидно — как же так, один страдает. Может, совесть заговорила? Вряд ли, не из таких. Сделал заявление — так, мол, и так...

— Не случись эта история, — продолжает горькое повествование Красников, — все равно всплыло бы как-нибудь, точно. Слышь, а может, условно дадут? — задает он с надеждой вопрос, в который, видно, раз. — Ведь не могут не учесть, сколько лет я эту самую природу берег. Да если хотите знать, мне сотни, может, тысячи соболей жизнью обязаны, оттого, что я их покой хранил, от врагов двуногих и четвероногих оберегал. И что же — из-за слабости минутной теперь...

Он отталкивает подбежавшего козленка, воинственно выставившего рожки. С кудахтаньем шарахаются в сторону куры.

— Эх, жизнь — копейка!

Что я мог сказать ему? Что человека, пославшего пулю в последнюю стеллерову корову, надо было судить, как величайшего преступника, даже если он был примерным семьянином и христианином, не обделившим костью голодного пса? Что у природы к нам только один счет — доброты, и благодеяние — единственная норма наших с ней отношений?

Как же прочно засело убеждение в том, что призывы охранять природу, окружающую среду относятся к некоему абстрактному

Гость найдет здесь спички, соль, сухари. Уходя — сам пополнит запасы. Таков незыблемый таежный закон.

Одна из диковин Алтайского заповедника — каменные грибы-останцы. Некоторые — высотой с многоэтажный дом.

человеку, живущему в абстрактной природе! Что эта самая среда окружает не нас, а кого-то, где-то... Ближе к сердцу принимаем мы бедственное положение носорогов в Африке, нежели оскудение цветов на лужайке за нашим городом.

Скажи Красникову, к примеру, что нужно, бросив все, вылетать на спасение овцебыков, попавших в лавину в горах Бырранга. Полетит. И спасет! А тут — соболи... Подумаешь — да их в тайге знаете сколько?

Был суд. И Красникова, и других участников этой истории строго наказали.

Телецкое озеро, Максиму Ивановичу

Кордон Челюш расположен в одном из самых живописных мест Телецкого озера. Обо всем позаботилась природа. Речка, полная хариусов, широкая плоская терраса с отличным сенокосом, что в горной местности редкость, грибы, ягоды...

Весной по склонам густо зацветает багульник, зовущийся здесь маральником. Могучие двух-трехметровые кусты, скорее деревья, густо обсыпаны крупными цветами нежного розового оттенка.

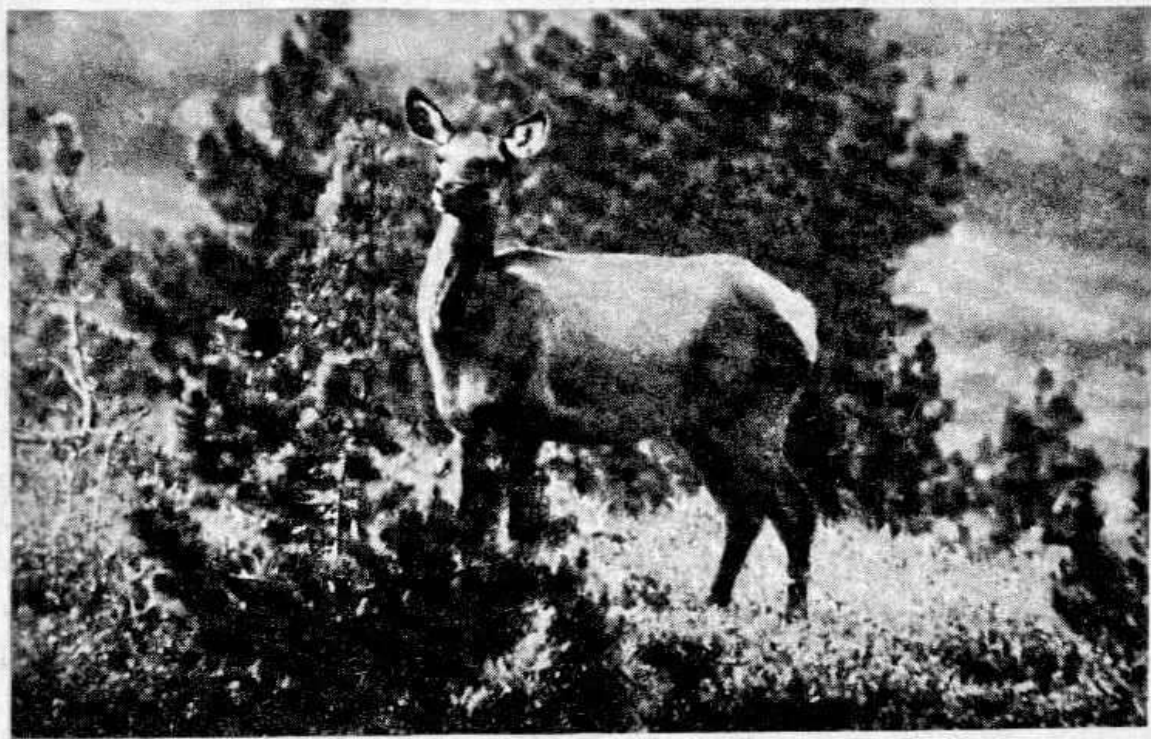
Есть маральник — есть и марал, благородный олень — один из основных и наиболее интересных представителей животного мира Алтайского заповедника. Чуткие и осторожные, большую часть года скрываются маралы в непроходимых таежных дебрях. Только осенью теряют они осторожность. К этому времени у них отрастают новые рога, тела наливаются буйной силой, которая бродит по тугим сплетениям мускулов. Наступает пора рыцарских турниров.

Рогачи сбивают в табунок грациозных самочек и предлагают соперникам-маралам помериться силой за право называться властелином и повелителем, отцом будущих оленят.

Никто лучше Максима Ивановича не умеет подзывать маралов звуком специальной дудки.

Щелчок аппарата — и маралухи на этом месте как не было.

Трубными звуками оглашаются горы. Идет великая перекличка жизни.

Тогда-то и появляется в заповеднике возможность пересчитать маралов, произвести, как говорят биологи, учет животных.

Чтобы сосчитать количество животных на определенной площади, совсем не обязательно увидеть их воочию. Достаточно услышать трубный звук — «рев».

Однако сидеть и ждать, пока марал подаст голос, — дело долгое. Приходится идти на обман. Мастерятся специальные дудки, в точности имитирующие рев. Принимая звук за вызов соперника, марал немедленно откликается.

Настоящая дудка — в сущности музыкальный инструмент. Изготавливают его из звонкой, без сучка, высушенной кедровой древесины. Выстругивают конус, раскалывают на две половинки, из которых выбирают сердцевины. Тщательно шлифуют — от этой операции зависит чистота и похожесть звука на истинный маралий голос. Затем половинки складывают и обтягивают горлом марала, вынутым из теплой, только что добытой туши. Оговорюсь сразу — стреляют маралов строго по лицензиям, и, разумеется, за пределами заповедника.

После того, как горло высохнет и прикипит к дереву, — дудка готова. Как и любым музыкальным инструментом, им надо уметь пользоваться. Воздух, например, не выдувают, а втягивают в себя, держа наконечник в уголке губ. Характер звучания зависит от угла наклона, от движений дудки в руке... Целое искусство!

Лучше всех в заповеднике и, возможно, во всем Горном Алтае владеет им бессменный хозяин кордона Челюш лесник Максим Иванович Анферов. Живет он здесь с женой, которую все зовут тетей Тасей или просто Тетьтась. Она работающая, гостеприимная, добрая, хотя для вида не прочь и поворчать.

На Челюш мы приехали осенью. Максим Иванович пообещал взять нас на учет маралов.

Накануне у лесника разыгрался жестокий радикулит, который

Горсть овса из ладоней хозяина — лучшая награда для Сивки.

он лечил банькой. Поэтому Тётятась целый вечер гремела ухватами, переставляя чугушки в печи:

— Куды тебя, старого черта, несет? Вчера загинался, а седни погарцуешь? Ох, нету на меня смертушки... Молоды-то где? Чуть че — к Максиму, чуть че — к Максиму. Максим Иваныч, Максим Иваныч,— передразнила она,— а понятия, что Максим Иваныч не железный, нету...

И все такое, в этом роде, иначе бы она не была Тётятасей.

Чуть свет мы «погарцевали». Собственно, ехал на мерине Сивке Максим Иванович, у него еще побаливала спина, мы шли пешими.

На гору Тузаим, где стояла избушка, в которой нам предстояло заночевать, вела тропа. Временами она почти терялась

в густой траве, но наш провожатый безошибочно, по известным ему приметам, находил верный путь.

Карабкались, преодолевая крутые участки, отдыхали под кедрами, пили ледяную воду из хрустальных ручьев, снова шли. К вечеру между деревьями завиднелся приземистый сруб.

Лесник стреножил Сивку, пустил его пастись на большую поляну, а сам куда-то исчез. Мы разожгли костер, вколотили кол, который служил таганом, и повесили на него котелок с водой.

Появился лесник, уходивший слушать, не режут ли маралы. Он открыл припертую бревешком дверь и удивленно свистнул:

— Гляньте-ка, мужики...

Избушка была доверху полна свежим, пахучим сеном.

— Но, кто угадат — чья работа?

— Ваша, поди, Максим Иванович?

— Не-е. Я весной был последний раз. Трава, вишь, с цветами — метелками. Человека здесь не было, заповедник! Да и бревешко я всегда примечаю, как ставлю. Нетронуто!

И он засмеялся, довольный своей задачкой.

— Неужто пищухи?

— Они самые. О, глядь, вот одна!

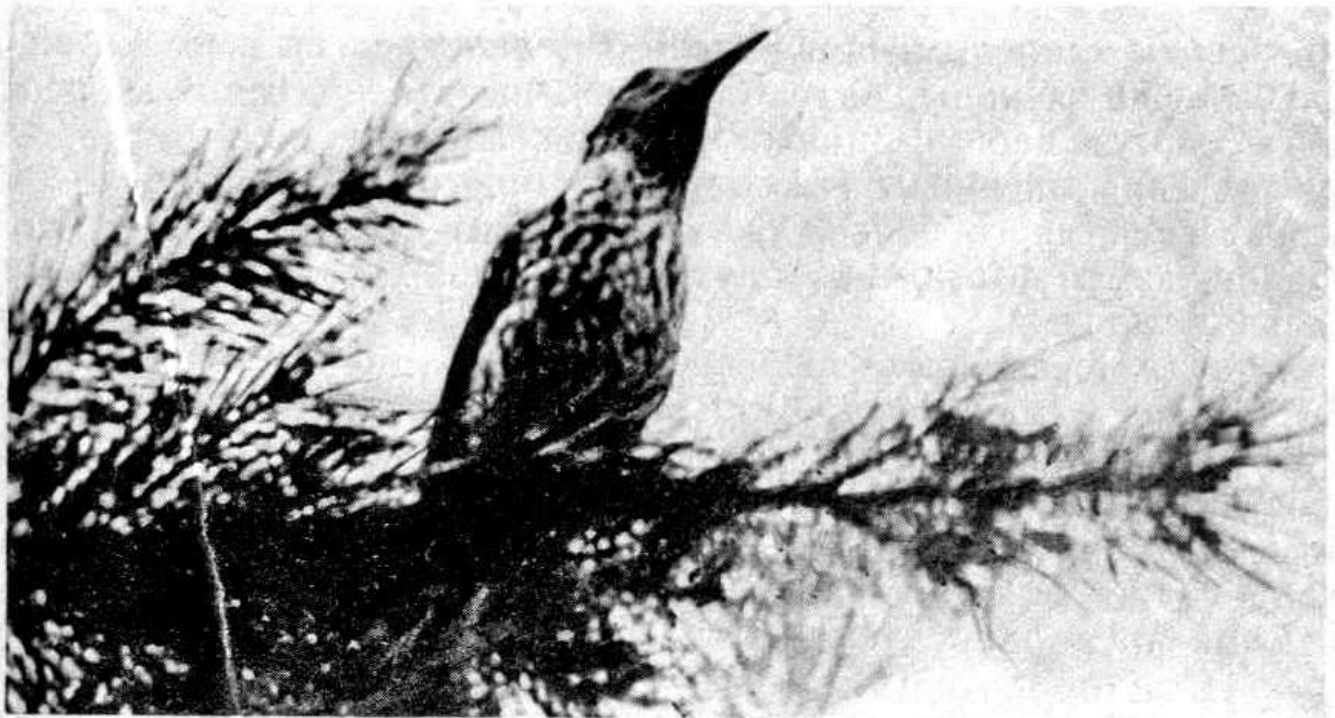
Из вороха сена выскочил маленький зверек с круглыми, прижатыми к голове ушками. Это и была пищуха, сеноставка — местному.

По расцветке, размерам в первую секунду пищуху можно принять за крысу. Но тотчас убеждаешься, что нет в ее облике ничего вызывающего отвращения — длинного голого хвоста, хищного оскала. Наоборот, милое, забавное существо.

Мне уже доводилось раньше наблюдать за их колониями, и я кое-что знал об их образе жизни.

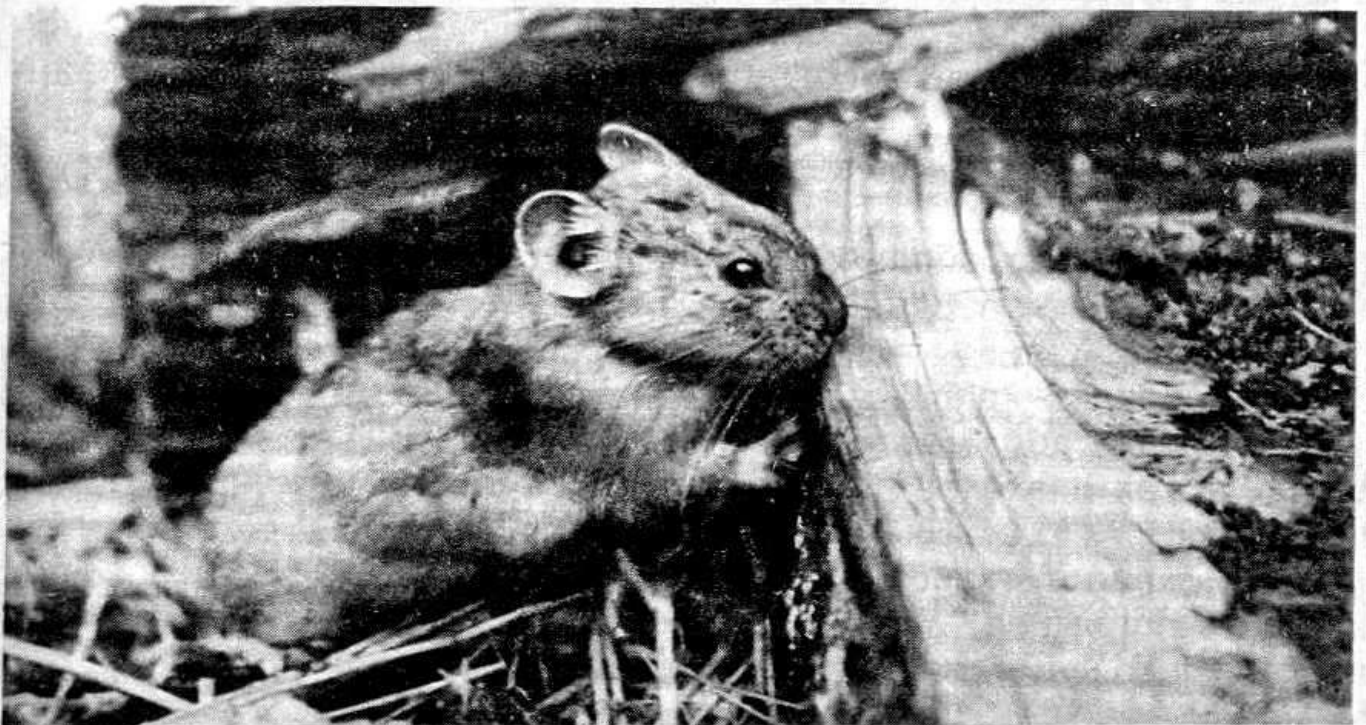
Самая интересная особенность поведения пищух — «заготовительная работа». Ближе к осени они начинают стаскивать травинки, складывая их к стволам больших деревьев, вывороченным корням и так далее. Травинка по травинке — поднимается довольно высокий стожок, — оттого и «сеноставки». Зимой они проделывают под снегом ходы и, проголодавшись, бегают от

Больше всего эта птица любит кедровые орешки, за что и зовется кедровкой.

Пищуха-сеноставка любознательна, доверчива и в то же время постоянно настороже, как все таежные обитатели.

нор к своим кладовым. И все было бы распрекрасно в их жизни, если бы не наловчились находить и раскапывать пищухины запасы лоси и маралы своими широкими раздвоенными копытами. Впрочем, как бы предвидя возможность такого грабежа, пищухи готовят сена много больше, чем нужно им самим на зиму. Но голодной зимой не станешь задумываться, кому принадлежит найденный клочок сена...

Пищухи доверчивы и любопытны. Стоит замереть на две-три минуты — и услышишь короткий резкий посвист. Потом еще один, еще — и вот на замшелой колодине невесть откуда появляется сеноставка. Некоторое время она сидит неподвижно, изучая обстановку, и, убедившись в том, что новый обитатель тайги не проявляет агрессивных намерений, — деловито принимается за прерванную работу.

— Ишь, позаботились об нас, — радовался Максим Иванович, уминая пахучее сено на нарах в избушке. — А в прошлом годе вовсе не было ни одной. Сдогадались — в дом наносили, сюда марал не сунется!

Ночью выпал снег. В высокогорье такое в середине сентября — не редкость.

Под его тяжестью сгибались еще зеленые кусты, в последнем отчаянном рывке к солнцу застыли высокие стебли альпийских трав.

Морда Сивки заиндевелила, под нижней губой отросла седая борода.

— Ниче... Вот ободняет — растает, как не бывало.

— Как это — ободняет?

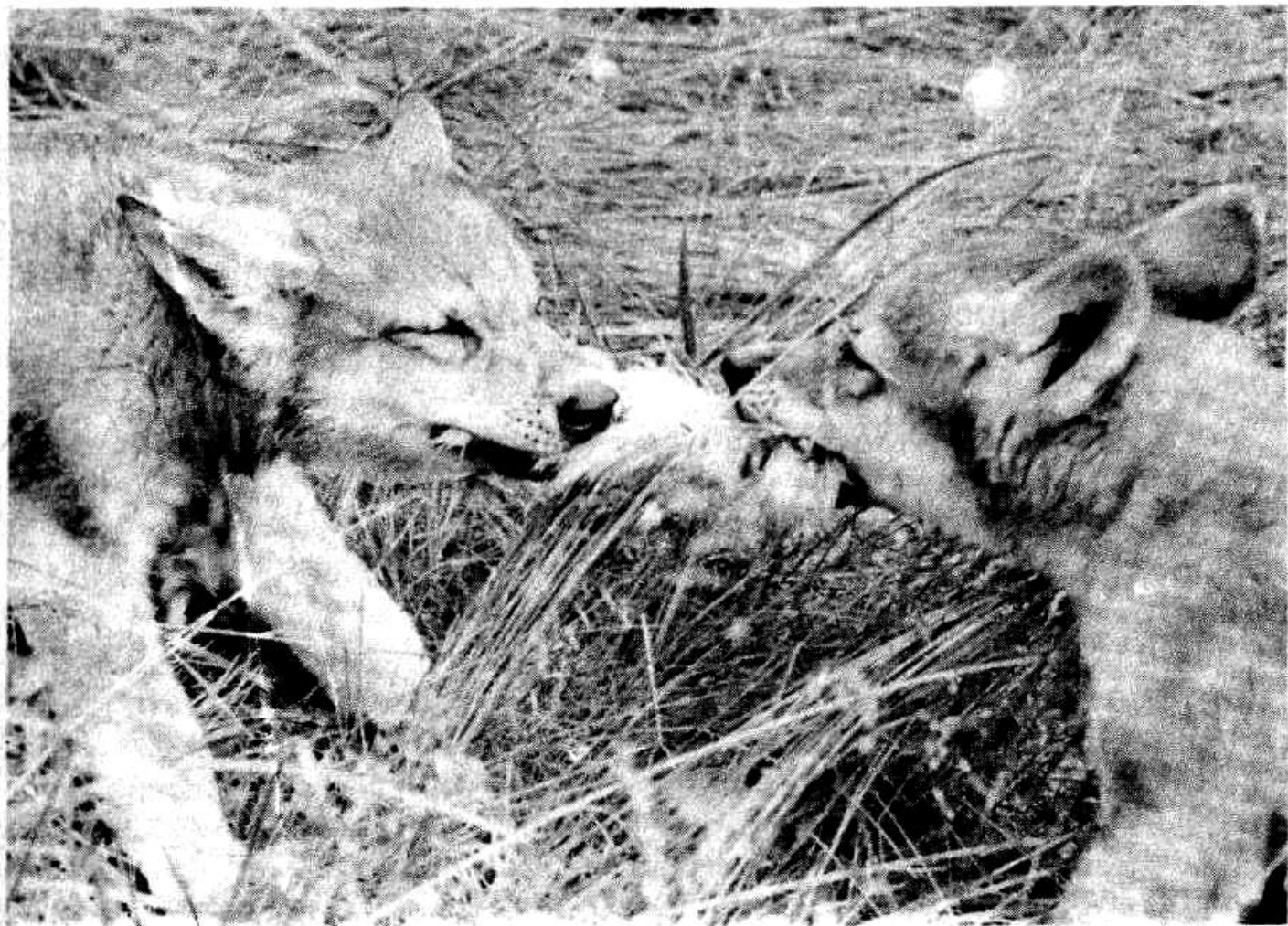
— Ну, ободняет — день наступит. У вас так не говорят, что ли?

— Говорят — рассветает.

— Рассветает — это еще утро. А ободняет, значит, день пришел. Так два слова надо говорить, а так — одно. Икономика получается, — Максим Иванович смеется.

— Больно Тётятась экономит слова-то...

— А привыкла! У ей соседок нету язык чесать, она любому новому человеку рада — душу отвести.

Для волчат — это не просто игра. Первая проба сил за право в будущем именоваться вожаком стаи.

«Ободняло» — и снег правда растаял. Влага моментом ушла в трещины камней, ее всосал пористый, как губка, мох.

Славно идти по осенней тайге в высокогорье, ощущать ногой пружинистость ковра под ногой, вдыхать воздух дивной чистоты и прозрачности...

Часто встречаются поляны, ошетинившиеся пиками маральего корня. С виду — ничего особенного. Сухие палки высотой в метр-полтора, увенчанные шишками. Слово какой-то шутник натыкал в землю сотни тростей с набалдашниками. Главное чу-

до растения начинается под землей, где прячется его корень, точнее — корневая система. Сотни тончайших нитей отходят от центрального стержня, причудливо переплетаясь, словно капилляры кровеносной системы. Корешки эти обладают чудодейственной силой, сходной с действием женьшеня.

— Вот, бывало, устанешь — ну, прямо никакой силы нет. Корень выкопаешь, в ручье прополоскал — и в котелок с водой. Вскипятил, выпил — и снова идешь, — Максим Иванович разминает шишку, из которой разлетаются крохотные семечки на парашютиках.

— Максим Иванович, а почему корень маральим называется?

— Вроде говорят — его марал ест, когда гон начинается. Чтоб силу набрать. Сам не видел, а врать не буду — может, ест, а может, нет... Однако здесь станем. Вы свою штуковину налаживайте, а я звать буду.

Володя поставил «штуковину» — киноаппарат с «трехсоткой» (так называется телеобъектив) — на штатив, «посоветовался» с экспонометром, установил диафрагму и поднял руку: «Готов».

Максим Иванович приложил дудку ко рту и втянул воздух. Протяжный звук рассек тишину.

Ни звука в ответ.

Снова запела дудка. И оборвалась. Максим Иванович схватился за щеку:

— Зуб, язви его! Холодный воздух попадат. Я один-то зимой плоскогубцами выдернул. Так прижало — никакого терпезу не было! Врач далеко, в Артыбаше...

Заскорузлым пальцем он вдавил в дупло четвертинку таблетки анальгина, посидел и удовлетворенно заключил:

— Отпускает...

И вот на звук дудки где-то вдали откликнулся марал, потом другой.

Лесник выразительно глянул на оператора — будь, мол, готов, — и снова взялся за свой инструмент.

Я заметил, что песня ее немного изменилась, стала жестче и злее. Так же отвечали соперники.

Максим Иванович опустил раструб совсем близко к земле и издал хоркающий звук.

На краю поляны зашевелились кусты... Володя слился с кинокамерой... я вжался в землю... Зашумело в кустах, невидимый нам — увы! — марал бросился прочь, ломая на ходу ветки.

— Одушили,— шепнул Максим Иванович.

— ???

— Ветер дунул в его сторону, дух учуял... Этова теперь пробовать будем.

Марал вышел на поляну метрах в ста от нас. На гордо поднятой голове красовались громадные разветвленные рога. Зачем они ему? В поединках животные не причиняют большого вреда друг другу, против врагов — медведей и волков — рога бессильны.

Даже на расстоянии ощущалось — какие сомненья раздрают маралью душу, не знакомую с коварством. Где-то совсем рядом соперник, он шел на его голос, но что-то было непонятным и пугающим в том месте, из которого шел призыв к бою. Может быть, еле слышимый звук — стрекот кинокамеры?

Марал стоял, втягивая разгоряченными ноздрями воздух. Всем своим видом он демонстрировал готовность к схватке. «Выйди сюда,— говорила его поза,— ты звал меня... Я не могу подняться к тебе, тысячелетний опыт моих предков подсказывает опасность...»

Не теряя достоинства, марал сделал несколько шагов в сторону и скрылся из вида.

Таким он остался и в нашей памяти, и в фильме «Алтайский заповедник — от весны до весны».

...Несколько лет мне не удавалось побывать на знакомом кордоне. На озеро приезжал, а к Максиму Ивановичу заглянуть никак не успевал.

И вот снова Челюш.

Лесник постарел, но держится молодцом. Нацепил капроновую сетчатую шляпу, оставленную кем-то из гостей, хвалит ее:

— Удобно! Солнце не жжет и голова не потеет...

Все та же образная речь, суждения неожиданные.

Про слепня, прилаживающегося к открытому плечу, говорит:

— Ткнется — как самокруткой прижег!

К осени невесть откуда стали появляться больно кусающие мухи — раньше о таком здесь и не слышали. Зовет их «жигалками» и убежден, что выведены они учеными.

— А вот какой-нибудь этот... из науки, задумался — почему, мол, комар, овод, пчела кусаются, а муха нет? Непорядок в природе! Жало ей пересадил, туда-сюда. Статью написал — ошибка природы, мол, исправлена. А муха улетела. За одно лето мильен! Этова, который вывел, они не кусают, он в городе живет. Ково-нибудь снова выводит...

Вообще с наукой у Максима Ивановича отношения сложные. Он убежден, что наука есть вредная и есть полезная. Полезная — та, что придумала телевизор. Вредная — которая изобрела дуст.

Давным-давно какая-то «умная голова» решила махом покончить с энцефалитным клещом, распылив с самолета дуст над верховьями речек, впадающих в Телецкое озеро. Весенний паводок сбросил отраву в водоем. Погибло много рыбы. Последствия этого преступного деяния ощущаются до сих пор.

— Тут у меня за эти годы сколь больших людей перебивало! Максим Иваныч, спрашивают, почему природа скудеет? Я всем говорю — наука достигла. — Он произносит последние слова без улыбки, но со скрытой издевкой. — Наука достигла. И после этого — молчок, на другое разговор переводят!

Конечно, Максим Иванович слышал про спасенных наукой сайгаков, зубров, стерхов. Но здесь они не водятся, и потому примеры звучат малоубедительно. Хариуса же и вправду все меньше и меньше. Ленок, по-местному «ускуч», исчез вовсе. «Наука достигла».

Летом на кордоне, как всегда, много гостей. Самых разных. К ним здесь привыкли. На берегу сооружена открытая веранда с навесом на случай дождя, есть место для ночевки. Если гости

выражают желание помочь леснику перевернуть сено или поколоть дровишки — он не отказывается. Сам никогда не просит, стесняется — неудобно, люди приехали отдохнуть.

В общем, гостями здесь не удивишь. Но два года назад сюда занесло таких, о которых стоит рассказать подробнее. Тем более, что с этим визитом связана весьма интересная история.

Некий австрийский миллионер — самый настоящий! — был страстным охотником. Добывал слонов в Африке, тигров в Индии, а потом, для полного набора экзотики, захотел поохотиться на медведя, да не где-нибудь — в Сибири.

Егерем к нему определили Максима Ивановича. Об охоте в заповеднике, само собой, речи не могло идти — такую возможность ни за какие миллионы не купишь. Подобрали соответствующие уголья далеко за пределами охраняемой зоны.

Но сначала заграничного охотника привезли в Челюш. Посмотреть знаменитое Телецкое озеро, познакомиться с егерем. С ним приехал и наш переводчик.

Максима Ивановича миллионерами не удивишь. На его кордоне отдыхали министры, генералы, академики. Космонавт Лазарев гостил. А тут, подумаете, персона — миллионер!

Тётятася, хотя и не считала себя большим специалистом по «брекфэстам» и «ленчам», тоже голову особенно ломать не стала. Она уже давно поняла, что никакой, самый что ни на есть записной гурман не устоит против ухи из хариусов, парного молока, алтайского меда и горячего, с пода русской печи, хлеба. А если не понравится высокому гостю, решила Тётятася, пусть трескает свои консервы, она не обидится.

Но миллионеру Тётятасино угощение очень даже понравилось! И он через переводчика выразился в том смысле, что если бы хозяйка открыла ресторан с подобным питанием в любой европейской столице, она в короткий срок тоже сколотила бы пару-другую миллиончиков и они могли стать компаньонами. Правда, для этого нужно перевезти туда русскую печь, корову, покосы — поскольку только здешние травы придают молоку ни с чем не сравнимый аромат, а также все Телецкое озеро с находящимися

в нем хариусами и тайменями. Последнее, сказал миллионер, он берет на себя, так как с его капиталом ничего невозможного в мире не существует. И громко хохотал при этом.

Тётятся же сказала, что миллионы ей ни к чему, поскольку ихней с Максимом зарплаты им вполне хватает, учитывая, в особенности, что молоко, овощи, мясо и рыба у них непокупные. А если кому из миллионеровых дружков-президентов или там банкиров захочется вкусно поесть, то пусть они лучше приезжают в Челюш, где для них миска ухи и кусок хлеба всегда найдутся. Что касается озера, то пусть оно лучше остается на прежнем месте, поскольку здесь к нему все привыкли. Насчет же того, чтобы стать компаньонами, Тётятся не возражает и для начала просит прислать ей шестеренку от сепаратора — старая развалилась, а новую ни в одном сельпо не купишь. Гость шестеренку прислать пообещал, но только вместе с молочным заводом — в знак расположения и благодарности за угощение...

Вот такие разговоры велись за столом, освещенным двумя керосиновыми лампами.

А потом миллионер обратил внимание, что правая рука хозяина сгибается не до конца, и поинтересовался, не в схватке ли с медведем получил он такое повреждение. Максим Иванович — через переводчика — ответил, что медведь здесь ни при чем, а это последствия ранения, полученного в войну.

— Я тоже воевал, — показал миллионер еле заметный шрам на щеке. — Под Ленинградом.

— Под Ленинградом? — удивился лесник. — Так и меня там же зацепило. Город такой, Мга...

— Мга? — в свою очередь поразился гость. — Мы под Мгой месяц стояли! Зимой! Смазка в пулеметах замерзала!

— Зима была — ух! — согласился Максим Иванович. — Смазка, правда, больше у фрицев мерзла. Наша ниче, держала... А ты на каком фланге стоял, слышь? Мы, часом, не однополчане? Комполка фамилию не помнишь? — лесник разволновался.

Тут переводчик довольно чувствительно наступил ему на ногу под столом:

«Без собак сниматься не буду!» — решительно заявил Максим Иванович. Тетя Тася для вида пошумела, но тоже присела на крылечко.

— Какой он вам однополчанин? Сами бы подумали — австриец! Он же по другую сторону фронта воевал...

Только теперь до Максима Ивановича, что называется, дошло. Вот те штука! С врагом за одним столом сидит. Бывшим, правда.

И тишина наступила. Слышно, как фитиль в лампе потрескивает. За окном пес Казбек взлаял — летучая мышь близко

пролетела. Бабочка ночная снаружи в освещенное стекло бьется. Положение...

Максим Иванович рюмку с коньяком в покалеченную руку взял и скомандовал гостям:

— Но-ка себе плесните по единой.

Те плеснули.

Лесник встал, подошел к миллионеру, помолчал, собираясь с мыслями, и кивнул переводчику:

— В точности переводи, как говорить буду. Ниче не пропускай Така, значит, штука. Раз мы друг в дружку стреляли, может, это ты меня покалечил. А у тебя моя отметина есть. А че? Скока я в вашу сторону патронов выпустил, поди, знай, кого они там поцеловали... Но мы с тобой зла держать не будем. Мужик ты вроде ниче, хоть и миллионер...

В этом месте гость вскочил и, чтобы понятней было, по-русски начал говорить:

— Та! Та! Меня заставляй! Я не... как будет по-вашему... не хочел!

И дальше сбивчиво по-своему.

— Он говорит,— это уже переводчик,— что им приказали — стрелять в русских, или пуля в лоб. У него не было выбора...

— Ну вот,— Максим Иванович перебил,— раз такое вышло... Дак пускай люди больше этой глупости никогда не делают! Давай лучше будем вместе в медведя стрелять...

И заплакал.

И миллионер — в слезы.

Обнялись. Плачут, смеются, целуются — все сразу. У одного счет в швейцарском банке, вилла и кадиллак последней модели, а у другого самая большая ценность — конные грабли да корова с козой. Сейчас эти обстоятельства никакого значения не имеют, потому что они — просто два немолодых человека, выжившие в самой страшной войне...

Медведя миллионер добыл. С помощью Максима Ивановича, конечно.

Сфотографировался, поставив ногу на тушу. Собственно,

он ради этого снимка в Сибирь и приезжал, ему ни шкура, ни мясо не нужны.

Максима Ивановича с Тётятасей к себе в гости пригласил. Попросил только до границы доехать, а там он пришлет за ними личный самолет.

Они поехали бы, да корову некому доить.

Прибыл... убыл...

(вместо заключения)

Однажды во время съемок в экспедиции произошло ЧП — подвернул ногу осветитель. Пришлось отправить его домой. Приехал новый работник. Новый — еще и в том смысле, что он только-только поступил на студию. Это была его первая командировка. Пожив несколько дней, присмотревшись к работе, он выложил заявление.

— Вкалывать надо, — простодушно объяснил новичок. — Я кино себе не так представлял...

Магическое слово — кино — многих вводит в заблуждение. Сияние юпитеров, оператор, возносящийся над массовой на кране, режиссер в темных очках, развалившийся в кресле... «Дубль третий, мотор, начали!»

Такими предстают перед миллионами зрителей рабочие будни любимого вида искусства в популярной «Кинопанораме». Но это кинематограф художественный, правильнее говоря — игровой. Правда, и в нем за внешней стороной есть та, которую не принято выставлять напоказ. Тяжкий, порой — изнурительный, даже опасный труд, много пота, ругани, сомнений, разочарований, неудач. В избытке всего этого и на съемках документальных картин.

Не следует представлять себе жизнь группы в экспедиции, далеко от базы-студии, как некую казачью вольницу. Куда хочу,

туда скачу... Еще задолго до выезда плановик втискивает предстоящий съемочный период в рамки календарного плана. Он оперирует понятиями «подготовка объекта», «съемочная смена», «время переезда» и тому подобными. В соответствии с законодательством есть «выходной день». Хотя, чем он отличается в тайге или тундре от рабочего, никто не знает.

Жизнь неизбежно вносит поправки в жесткий регламент. «Время переезда» может оказаться «съемочной сменой» и наоборот, но вкалывать, как выразился новичок-осветитель, надо во всех случаях.

Днем трудно найти время остановиться, оглянуться, поразмышлять.

Зато вечера — наши.

Мне нравятся тихие, спокойные часы в конце дня. Чаше всего мы живем в одном общем номере. Не потому, что не желаем расселяться поодиночке в «люксах», а просто-напросто из-за отсутствия таковых в гостиницах маленьких поселков.

Итак, рабочий день закончился, но у каждого еще полно своих дел.

Ассистент перезаряжает кассеты, упаковывает снятую пленку, чистит камеру, протирает кусочком нежной замши объективы, проверяет аккумуляторы. Все это надо проделывать каждый день.

Ему помогает оператор. Они как бы меняются местами.

Осветитель подтягивает клеммы, «сращивает концы», заменяет, тихо ворча, сгоревшие лампы — с его точки зрения свет можно было бы палить и поменьше.

Директор картины «подбивает бабки» — наводит порядок в финансовых документах и нудно допрашивает режиссера, как будет спланирован завтрашний день и на какое число заказывать билеты для переезда.

А режиссеру для того, чтобы ответить на эти вопросы, нужно подумать. Чем не дело!

Постепенно из своих углов все начинают подтягиваться

Во все времена года ходьба по таежному бездорожью — трудное дело. Хорошо, что есть костерок и кружка крепкого чаю!

к общему столу. Булькает вода в банке с опущенным в нее кипяильником-завитушкой. Прямо в стаканах заваривается чай.

Если удастся раздобыть гитару (у Володи приятный голос, к тому же он знает три аккорда), негромко, чтобы не мешать соседям, поем. Репертуар, откровенно говоря, не блещет разнообразием. Одну песню придумали вместе...

Бонжур, пардон, мадам, месье,
Сегодня в «Гран кафе» премьеры,
Мёрси, пардон, спешите все —
Изобретение Люмьеров!*

---

* Братья Луи и Огюст Люмьеры — изобретатели кинематографа. Первый киносеанс состоялся 28 декабря 1895 года в Париже, в «Гран кафе» на бульваре Капуцинов. В программе были ленты «Выход рабочих с завода Люмьер» и «Прибытие поезда на вокзал Ла Сиота» — фильмы, которые назвали бы сейчас документальными.

Документальное кино...
Вот прибыл поезд из Руана,
И люди вскакивают, но —
Пред ними чистый холст экрана...

О чем только не переговоришь за вечер! Иногда плавное течение беседы взрывается отчаянными спорами. Причем по самым неожиданным поводам. Однажды, например, кто-то задал вопрос — есть ли у нашей профессии будущее? Врачи, строители, учителя будут нужны всегда. А кинематографисты? Останется ли вообще кино?

Я полагаю — останется. В каких-то иных формах, разумеется. Научатся вести проекцию прямо на звездное небо. Киносеанс для целого земного полушария! Или «эффект присутствия» доведут до ста процентов. Или...

Документальное кино...
Летят года и нет уж века,
Но поражаешь все равно,
Как в «Гран кафе», ты человека.

Документальное кино...
Ты оглянись вокруг получше —
Ведь наша жизнь, друзья, одно
Документальное кино,
В котором режиссером случай!

Ассистент Саша не против грядущего прогресса, однако призывает смотреть вперед. Если уж таких высот достигнет техника, то зачем нужен человек? Компьютер высчитает нужную экспозицию, выберет лучшую композицию и так далее. Следовательно, и профессия хроникера исчезнет.

У Володи свое мнение на этот счет.

— Эта деталь, — он дотрагивается до выступающей части кинокамеры, — как называется?

— Ну, окуляр...

— Оку-ляр! От какого слова?

— Око, наверно...

— Око — точно, — торжественно подтверждает кинооператор. — Иначе говоря — человеческий глаз. Между прочим, окуляр был и у старинных «мелкоскопов», есть у электронного микроскопа, самого современного. У оптических приборов — а наша кинокамера, в сущности, тоже прибор — окуляр всегда был и будет! Значит, без ока, человека то есть, не обойтись...

Довод показался убедительным, и мы долго говорим о том, что именно способность к творчеству отличает человека от любой, самой совершенной машины. Что главный предмет искусства и его творец — человек. Хватит работы не только на наш век, но и нашим внукам и правнукам останется. Если, конечно, они пожелают избрать эту бродячую профессию.

Бродячую — во все времена! Потому что только в пути ждут нас встречи и открытия, неожиданности и откровения — то, без чего немислима жизнь хроникера. Потому что потребность к странствиям становится потребностью души.

Крещение в ледяной купели Чукотского моря. Кинооператор — профессия не для слабых.

Документальное кино...
Командировка и дорога,
Ты в жизнь открытое окно,
Документальное кино —
Моя надежда, боль, тревога...

Открываю новый сценарий.

«Обь — река сибирская». Название пока рабочее и, как мне кажется, не самое удачное. Но уже из него ясно, что это тот самый жизненный материал, который меня волнует.

Верховья Бии и Катуня, Западно-Сибирская равнина, нефтяное Приобье, Салехард — единственный в мире город, через который проходит Полярный круг, Обская губа, Ледовитый океан...

Что ждет нас? С кем познакомит, а может — подружит маршрут? Каким будет фильм?

Вопросы, вопросы... Ответы на них — только в пути.

Извлекаются со склада рюкзаки.

На командировочном удостоверении появляется отметка «убыл...». Значит, когда-нибудь будет еще одна — «прибыл...»

Но между «убыл» и «прибыл» всегда лежит дорога...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глазами пытливого человека	5
Предисловие	7
...По Северу	15
Урок на острове Белый	17
Синьор-помидор с арктической пропиской	20
Двенадцать «спасибо» за день	25
Время считать оленей	27
Удачная рыбалка на Таймыре	42
«Цветок душистых прерий...»	55
Пленник Севера	58
Первым делом вертолеты	69
Собака на Севере	74
Воронцово — Диксон с остановкой на два часа	78
Лебедь по имени Солнышко	85
Зачем ёлке юбка?	95
Жара в тундре	96
...По Алтаю	101
Признание в любви	103
Хозяин тайги	119
Убить змею	125
Таежная быль	127
Телецкое озеро, Максиму Ивановичу	138
Прибыл... убыл... (вместо заключения)	153

Валерий Германович Новиков

Дороги без дорог

рассказы кинодокументалиста

Фото: *Д. Худякова, А. Кладова,
В. Лапина, В. Селегея*

Редактор *Т. А. Фролова*

Оформление художника *В. П. Кириллова*

Художественный редактор *А. Н. Медведев*

Технический редактор *Н. Т. Федорова*

Корректор *Л. И. Давыдова*

ИБ № 2134

Сдано в набор 14.10.86. Подписано в печать 23.04.87. МН05282. Формат 60×70/16. Бум. кн.-журн. для офс. печати. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,8. Усл. кр.-отг. 16,28. Уч.-изд. л. 7,61. Тираж 3500 экз. Заказ № 94. Цена 45 коп.

Новосибирское книжное издательство, 630132, Новосибирск, ул. Красноярская, 112. Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

45 коп.